

С. Страхов

В БЛАГОСЛОВЕННЫХ ШТАТАХ

Пьеса в 4 действиях, 12 картинах

(Литературный вариант)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дьюд Форстев	- молодой фермер.	
Лестер	- старый фермер.	
Эда	- его дочь.	
Билл	}	- фермеры.
Том Хелвуд		
Смокк		
Катерина	- жена фермера.	
Давид Уолтен	- хлебный магнат. Он очень стар, даже дряхл.	
Моррисон	- личный врач Уолтена.	
Уилки	- директор газетного треста.	
Буллен	- конгрессмен.	
Джеферсон	- судья.	
Самуэль Халливуд	- шериф.	
Арно Хейтен	- издатель одной из газет треста Уилки.	
Неввиль Макнейтер	- репортер газеты Хейгена.	
Берроу	- владелец бара.	
Робинс	- полицейский.	

Секретарь Уолтена

Секретарь Хейгена

Кизвестный в клетчатой рубашке

Фермеры, члены суда, носители бара, посетители суда, заключенные, полицейские.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Действие происходит в одном из штатов Великих равнин. Когда поднимается Занавес, перед зрителями открывается огромная волнистая равнина. На горизонте она сливается с небом. Дует ветер. Он несет тучи пыли. Воздух раскален. Из-за горизонта вползло на небо грязно-желтое чудовище и загородило весь мир. Это – пыль великих равнин. Одна из частых «черных бурь» Америки. Борясь с ветром, задыхаясь, бежит Эда. Она перепугана. Эда была на своем пшеничном поле. За одну ночь оно погибло. Эде кажется, несутся за ней сухие, колючие, мертвые колосья. Все равно куда бежать. Только дальше, дальше от мертвого поля. Ужас овладевает Эдой.

Вершина холма. На вершине Дьюд, Лестер, Билл. Эда вбегает на холм, в изнеможении опускается на землю. Сидит тяжело дыша, обхватив свои острые колени руками.

Дьюд стоит широко расставив ноги, засунув руки в карманы штанов.
На фоне мутного неба все четверо кажутся почти силуэтами.

Дьюд. Дует и дует... Когда этому будет конец?

Билл. (Он полулежит на земле с таким видом, будто нет ему никакого дела до окружающих). В той стороне продырявилось небо. Из этой дыры и несет к нам песок и пыль...

Лестер. *(Кожа на его лице, глаза и фетровая шляпа с отвислыми полями такие же бесцветные и мятые, как и все в этот день)*. Этому конца не будет, Дьюд. Я говорю, все идет к чорту и тут уж ничего не поделаешь. Пустыня взбесилась, сынок, и остановить ее нельзя... Нет, нельзя... Рано или поздно Великие равнины засыпят песком наши фермы и по земле будут ползать одни ядовитые пауки. Если бы ты был немножко умнее — не селился бы здесь.

Дьюд. Думаешь, там, откуда я пришел, дело обстоит лучше?

Лестер. Вот уж этого я не знаю... не знаю... Должно быть всюду плохо. В механизме мира наверняка отвинтилась какая-то гайка и с тех пор все полетело прямым ходом к дьяволу на рога. Это говорю я, Лестер. Мне-то не в первый раз приходится испытывать на своей шкуре, что такое пыль Великих равнин. Она несется к нам и с севера, и с юга. Может быть из Монтаны, может быть из Дакоты... А может быть из Колорадо или Канзаса. Оттуда ветер несет ее через весь континент. Говорят, до Бирмингема, говорят, до Филадельфии. Я встречал парней оттуда и они утверждают: когда ветер дует с Великих равнин, приходится днем зажигать электричество. Пыль заслоняет солнце, и оно не может пробиться к земле. Почти две тысячи миль! И горы не могут остановить ее.

Эда. Я боюсь тебя, па! Ты не оставляешь никакой надежды. Что-нибудь надо делать... Слышишь! Что-нибудь надо делать. Почему ты не научишь нас, что надо делать?

Билл. В самом деле, папаша Лестер! Почему бы тебе не научить Эду, что надо делать?

Лестер. Пустыня встала на дыбы, дочка, и теперь можно плевать в потолок или петь воскресные псалмы. Человек тут ничего не поделает.

Билл. Ты слышишь, Эда? Твой па советует заблаговременно заказать проповеднику надгробное слово. Папаша Лестер опытен в таких делах.

Лестер. Ты можешь сколько угодно насмеяться надо мной.

А я говорю — ничего не поделаешь. Рано или поздно фермерам придется убираться отсюда.

Дьюд. *(Смотрит в упор на Лестера)*. Куда?

Лестер. А вот этого я не скажу. Не знаю... Куда не переселяйся, пустыня Великих равнин все равно догонит и наступит на пятки... Фермерам приходит конец... Я-то еще помню, когда Великие равнины были настоящим раем земным. *(Лестер оживает, он переносится в далекое прошлое к дням своей юности)*. Настоящим раем. Прерии тянулись во все стороны на тысячи миль. В их траве с головой скрывался всадник. Стада бизонов встречались чаще, чем норы сусликов...

Билл. Ты что-то пугаешь, Лестер. Не может быть, чтобы на песке росла трава, да еще такая, что в ней скрывается с головой всадник!

Лестер. Песков тогда не было... Зато лесов было, пожалуй, даже слишком много. Хороших сосновых и еловых лесов. Ты глуп, Билл. Пески появились потом, когда коровы сожрали прерии...

Билл. Коровы!? Значит во всем виноваты коровы? Валяй дальше, папаша Лестер.

Дьюд. Ну, коровы-то тут не при чем. Прерии и леса заглотала человеческая жадность.

Лестер. У тебя не все в порядке с головой, Дьюд. Я говорю — коровы, значит коровы. Если под ногами валяется даровое золото, только последний лентяй не нагнется, чтобы поднять его... Великие равнины были настоящим Клондайком для фермеров. Агенты мясных компаний сидели на наших фермах безвыездно круглый год. Они скупали всех коров. Фермеры! - кричали они. - Разводите коров, как можно больше коров! Мы платим за мясо хорошие деньги... И они платили нам доллары. Золото валялось прямо под ногами. Мы разводили коров. Столько коров, сколько я никогда потом не видел. Посмотрел бы я, Дьюд, хватило бы у тебя силы отказаться от долларов,

если тебе всыпают их прямо в карманы... Потом коровы своими копытами выбили траву и взрыли землю...

Билл. ...Потом коровы съели всю траву и принялись за леса. Ведь так было дело, Лестер?

Лестер. (*Он не обращает внимания на слова Билла*). На лесах Лок, Смит и Уолтен заработали не меньше, а пожалуй, побольше Джильдера.

Дьюд. В этом-то никто не сомневается...

Лестер. Я, разумеется, не считал у них в карманах. Нет. Не считал. Какое мне дело, сколько долларов лежит в чужом кармане, если у меня карманы дырявые... Только в конце концов этот Уолтен слопал и Лока, и Смита, и даже самого Джильдера. Бог мой! Уолтен на лесе заработал миллион долларов, никак не меньше. Ведь я работал на его лесоразработках и мне-то лучше известно, сколько он заработал. Я тоже мог заработать миллион долларов...

Билл. Почему же ты его не заработал?

Лестер. Лес валили подряд и, ей-богу, было занятно смотреть, как он словно пятился от человека. Лес увозили, а в карманах Уолтена оставались доллары, похожие на пожелтевшие листья... Тут нечего и думать. Коровы сожрали прерии, а леса исчезли. Как раз в это время и начали дуть ветры и засыпать фермы песком и пылью. Наверное, мы чем-то не угодили богу, вот он и распорядился по-своему... С посевами тоже ничего не вышло. Ветер поднимал сухую землю вместе с семенами и уносил ее...

Эда. Смотрите, смотрите! По земле ползет чудовище! Люди убегают от него, а оно ползет за ними. Мне страшно, Дьюд!

(Все молчат, никто не может утешить Эду).

Лестер. (*Бормочет под нос и, наверное, не замечает никого кругом*). У Дьюда слишком много мозга в голове, вот его беда. Он слишком много насмотрелся во время войны в Европе. Чего ему надо? Я-то на своей шкуре знаю, что такое пыль Великих равнин!— тут ничего не поделаешь. Все идет к чорту... Фермерам пришел конец... Он всюду сует свой нос... Остановить пустыню нельзя.

Эда. (*Кричит истерически*). Перестань, па! Замолчи. Я боюсь! Как страшно! Как страшно!

(*Лестер жует губами, молча смотрит на Эду и медленно, с трудом борясь с ветром, спускается с холма. Уходит*).

Билл. Папаша Лестер совсем раскис...

(Ему никто не отвечает).

И ты, Эда, раскисла... По правде сказать, мне-то наплевать на все. Еще один такой день и моя ферма рассыпется на тысячу сто пятьдесят кусков. Ну ее к чорту! Слышишь, Дьюд! (*Билл почти кричит*).

К чорту! Я палец о палец не ударю, чтобы подпереть ее. Хватит с меня. Мне надоела бесполезная возня в этой проклятой земле...

Эда. Я была на нашем поле, Дьюд. Только за одну ночь вся пшеница погибла. Все повторилось, как и три года назад... Вчера она была еще зеленой...

Билл. Ты врешь, Эда. Пшеница здесь никогда не бывает зеленой. Она всегда покрыта слоем пыли. Когда зерна прорастают, они уже и тогда мертвые.

Эда. Словно кто-то обмолотил ночью все колосья. Они стали совсем легкие. Из земли торчит солома. Это очень страшно, Дьюд. Я ползала по полю, хотела найти живой колос и я видела, как ветер отрывал от земли комочки, катил их, поднимал в воздух. Когда комочки сталкиваются друг с другом, они рассыпаются в пыль...

Билл. И не подумаю подпереть стены своей фермы. Подожду, когда ветер опрокинет ее. После этого я уйду отсюда. А в земле ковыряться не буду. Провались я на этом месте, если дотронусь до лопаты. Я слишком уважаю свой труд, чтобы бросать его на ветер.

Э да . Потом я поднялась и побежала. Только бы не видеть мертвых колосьев... Мне казалось, они несутся за мной...

Дь ю д . Куда ты собираешься уходить, Билл?

Б и л л . Я еще не решил. Но только не могу больше видеть этот желтый цвет на небе, на земле — всюду, куда не помотришь. И, кроме того, Дьюд, я хочу жрать, а не подыхать с голоду! Фермерам приходит конец.

Э да . Наше пшеничное поле похоже на кладбище.

Дь ю д . *(Говорит жестоко, словно хочет обидеть Эду)*. Мое пшеничное поле тоже похоже на кладбище. И еще тысячи полей похожи на кладбище.

(Молчание. Слышно лишь, как воет ветер).

Ты не обижайся на меня, Эда... Может быть твой па прав, может быть действительно тут ничего не поделаешь. А? Как ты думаешь?

(Вдруг кричит так, что Э да вздрагивает. Б и л л удивленно смотрит на него).

Твой па врет, он выжил из ума твой па! Я тоже не хочу подыхать с голоду и не хочу, чтобы фермерам пришел конец! Слышите, люди! Ее надо остановить. Ее надо остановить!

(Дь ю д в испуге грозит кулаком пустыне. Ветер треплет рыжие волосы Э д ы, срывает с Дьюда шляпу и катит ее по земле).

Надо остановить!

З а н а в е с .

Картина вторая

Двор фермы Дьюда. Ветер стих. Но еще долго к голубому цвету неба примешивался серый, напоминающий потускневший свинец, тон. Палит солнце. Единственное чахлое дерево не дает тени.

На дворе Б и л л , С м о к к , Х е л в у д . Во время их разговора во двор входят другие фермеры. Они молчаливы.

С м о к к . Зачем Дьюд пригласил нас к себе?

Б и л л . Наверное, хочет угостить тебя обедом из жирной свинины.

Х е л в у д . Ты все еще шутишь, Билл?

Б и л л . Это потому, что у меня нет Мэг и я не наплодил, как ты, кучу ребят. А вот тебе действительно не до шуток. Твое поле после этого ветра стало похоже на танцевальную площадку.

Х е л в у д . Это правда, Билл. Я не знаю, как мне быть. Ветер снес с моего поля все до последнего колоска... вместе с землей.

Б и л л . Ну, о земле-то ты, пожалуй, можешь не беспокоиться. Она вся целехонька. Зайди во двор к Смокку, у него ветер намел целые горы песка. Наверное, и твоя земля во дворе у Смокка.

Х е л в у д . Ты все шутишь, Билл.

Б и л л . Чорт побери! Шути и ты. Кто ж тебе запрещает шутить? Может быть ты придумаешь еще что-нибудь?

(Входит Лестер).

Вон, посоветуйся с папашей Лестером. Он тебе скажет то же самое, что и я. Уж он-то за свою жизнь научился шутить!

Лестер . Дьюд меня не звал. Он не любит меня, а я все равно пришел. Я хочу знать, что надумал этот долговязый. Дьюд кончит плохо. Я самый старый в округе и уж я-то готов отвечать за свои слова, если понадобится перед господом богом, или даже перед самим пьяницей Сэмом. Я имею в виду шерифа Сэма. Дьюд слишком много думает. У него, наверное, слишком много мозга в голове... А Эда на меня обижается, когда я говорю правду. И вовсе нечего обижаться. Я знаю, что Эда стоит за Дьюда и что-то очень часто бывает возле его фермы. Это в порядке вещей и она еще не настолько

стара, чтобы не замечать здорового парня, если он не женат. И я не осуждаю ее за это. Но я ее отец и мой долг предупредить ее. Дьюд кончит плохо. И лучше ей не связываться с ним... Может быть будь я помоложе, я и сам думал бы так, как думает Дьюд. У меня в голове не песок насыпан и мне здорово не нравится вся эта чертовщина, что творится вокруг. Но я-то знаю, что значит кваканье лягушки среди компании аистов.

С м о к к. Правда твоя, Лестер, правда...

Б и л л. Папаша Лестер, ты что-то путаешь. Мне, например, не нравится, когда меня сравнивают с лягушкой.

Лестер. Лягушке, вероятно, тоже не нравится быть лягушкой, а все-таки она лягушка и ее лопают аисты. Такой штука жизнь. Одни живут для того, чтобы их лопали, другие, — чтобы они лопали. И если Дьюду захотелось изменить этот порядок, пусть заранее повесится на крепком суке.

Г о л о с а :

— Пшеница погибла начисто.

— Может быть кукуруза выдержит.

— У тебя тоже ветер снес все поле?

— Придется, наверное, обращаться за ссудой в банк!

— Ну, это петля. Банк за ссуду сдерет не только кожу. Помнишь Боба Флинта?

С м о к к. Зачем Дьюд пригласил нас к себе? Пригласил, а самого нет.

Б и л л. Ты очень торопишься, Смокк? У тебя неотложные дела в банке?

(Входит Дьюд. Он останавливается, смотрит на собравшихся. По всему видно, что Дьюд возбужден).

Б и л л. Здорово, Дьюд! Солнце сожгло у меня все внутренности. Тебе следовало бы натянуть над двором тент и предложить нам ледяной кока-кола. Смокк не прочь полакомиться и свиной.

Дьюд. И ты, папаша Лестер, пришел? И Смокк, и Том. Почти все фермеры округи... *(Он молчит несколько секунд, потом говорит решительно)*. Вот что, ребята. Размазывать здесь нечего. Я не хочу подыхать с голоду. Наверное, и вы не хотите подыхать. Гы, например, Том, или ты, Смокк, и все вы? А дело-то идет к тому, что подохнуть можно. Посевы на сотни миль вокруг погибли. И вы сами говорили — я-то живу здесь не так давно — ветер с Великих равнин дует почти каждый год и почти каждый год на наших полях пропадают посевы. Вот Лестер утверждает, что тут ничего не поделаешь. А? Как думаете? Лестер прав? Так что же, чорт побери Лестера! Ты не обижайся на меня, папаша Лестер! но твои взгляды на жизнь не в мсем вкусе, — выходит, что мы вроде кроликов, у которых мозга хватает лишь на то, чтобы улепетывать при первом шуме? Что скажете?

(Фермеры молчат, Б и л л растянулся прямо на земле и пересыпает песок, наберет песок в кулак и наблюдает, как из кулака вытекает тоненькая пыльная струйка. Т о м Х е л в у д устался, как бык, себе под ноги).

Б и л л. Один сравнил меня с лягушкой, другой с кроликом. А я не хочу быть ни тем, ни другим. Я человек, чорт вас побери.

(Молчание)

Дьюд. Что вы онемели, ребята? Развяжите языки! Говори ты, Том Хелвуд. Ты хочешь подохнуть? Я знаю, что у тебя на поле ни черта не вырастает. И твоя жена Мэг так исхудала, что может, подобно библейскому верблюду, пролезть в игольное ушко. Говори ты.

Б и л л. Что ты хочешь от нас, Дьюд? Ей-богу, ты очень похож на оратора из общества «Святая ослица». Я иногда посещаю для развлечения митинги этого общества. Там тоже здорово говорят, только не поймешь для чего.

С м о к к. Да, да, что ты хочешь от нас? Я каждое воскресенье слушаю проповеди в обществе «Святая ослица». Все одно и то же, одно и то же. Брат Уэб, главный проповедник, рекомендует нам по вторникам, между девятью и одиннадцатью часами утра, ровно сорок восемь раз подряд выкрикивать самое длинное слово. Это, утверждает

брат Уэб, благотворно влияет на обновление организма, а сотрясение воздуха от крика улучшает погоду. Еще лучше, говорит брат Уэб, стрелять из пушек, но пушек-то у нас пока мало. Пушек и бомб надо заготовить побольше, если мы хотим избавиться от засухи. А пока, говорит брат Уэб, все в сорока восьми штатах должны кричать по вторникам. Это может несколько изменить климат. Не знаю, не знаю... Мы кричали целой семьей и ни один вторник, а буря все-таки опять была.

Дьюд. Твой брат Уэб жулик. Конечно, если тебе доставляет удовольствие орать по-ослиному, пожалуйста, ори, не только по вторникам, а хоть каждый день. Только смотри не надорви себе кишки. Не в том дело, ребята.

Билл. Говори понятнее, Дьюд.

Дьюд. Хорошо. Я скажу понятнее: ее надо остановить.

Голоса:

— Кого остановить?

— О чем ты?

— Не загадывай загадок.

Дьюд. Пустыню Великих равнин. Хватит. Если ее не остановить, она доберется сюда и слопаёт всех нас с потрохами.

(Билл от удивления даже привстал. Шум среди других фермеров).

Лестер, *(бормочет)*. Я говорил, что Дьюд когда-нибудь спятит, у него уже началась горячка.

Билл. Интересно, как же ты думаешь это сделать? Не заставишь ли ты нас кричать, как этого требует жулик Уэб? Или может быть ты предложишь сотрясать воздух каким-нибудь другим способом?

Дьюд. Нет, ребята, я не спятил. Спросите-ка Лестера, какие леса росли раньше на равнинах? И ветра тогда не было и пыли тоже не было. А о прериях с травой выше человеческого роста он прожужжал всем уши. Где же теперь леса и прерии? Лестер говорит: в механизме мира отвинтилась какая-то гайка и с тех пор все полетело к чорту. Человек будто бы тут не причем. Ну, а вот старый Генри, я имею в виду мистера Уоллеса, — он-то понимает толк в этих делах побольше Лестера и нас с вами, — не согласен с Лестером. А я как раз согласен с мистером Уоллесом. Он считает, что во всей этой чертовщине виноват сам человек. Послушайте-ка, ребята, что писал Генри. Он сейчас не в моде, но все равно послушайте. *(Быстро идет в дом, выносит книгу, перелистывает, читает)*. Вот, нашел. «Земля, — мать нас всех, — растений, животных, людей. Природа обращается с землей заботливо, человек же жестоко. Он разрушает чрезмерной обработкой пашни, чрезмерным выпасом — пастбища, чрезмерной вырубкой — леса. Он целиком разрушил миллионы акров». Вот в чем дело, ребята! В штатах пришли в негодность миллионы акров земли. Во всем виновата человеческая жадность. Она проглотила леса, вытоптала прерии, обесплодила землю. Человек открыл дорогу ветру, и нам теперь приходится расхлебывать кашу.

Голоса:

— Что же ты предлагаешь нам, Дьюд?

— Может быть ты открыл средство, как на песках выращивать леса?

— Дьюд, наверное, хочет отгородить фермы от равнин бетонной стеной.

— Тогда стену надо построить выше Аппалачских гор.

(Общий шум)

Дьюд. Тише! На земле надо навести порядок. На месте вырубленных лесов насадить новые. Прорыть каналы, установить законы для правильной обработки земли.

(Это так неожиданно, что наступает мертвая тишина. В наступившей

тишине ясно слышны слова Лестера, хотя он и говорит их, по привычке, для себя)

Лестер. Если говорить начистоту, я не очень удивлюсь, если Дьюда посадят в сумасшедший дом. Скажи, пожалуйста, кто это может заставить меня на моей земле делать не то, что хочу делать я? Земля-то моя, и я никому не позволю распоряжаться у

себя на поле. Или пусть мне назовут человека, который затратит капитал на посадку леса, если он никакой прибыли ему не принесет. Не слышал я, чтобы человек сажал леса. Они растут сами по себе.

Б и л л. А ведь папаша Лестер, пожалуй, прав. Дураков-то таких не найдешь. Что ты скажешь, Дьюд?

Дьюд. *(Очень убежденно)*. Это все, о чем я говорю, можно сделать ребята. Я подсчитал все до цента. Много денег и труда надо. Но это ничего. Нам должно помочь правительство. Оно выделит для этого средства. Правительству выгодно, чтобы фермеры жили лучше...

(Шум. Кто-то свистит.)

Я говорю: правительство выделит средства. Они ведь скоро окупятся. Штаты получают миллионы бушелей добавочного хлеба и всего того, что нужно человеку, чтобы быть сытым. Твоя жена и ребята, Хелвуд, будут толстые, как пивные бочки. А тебе Смокк вовсе не надо будет менять климат по рецепту брата Уэба. Климат изменим мы сами, когда насадим леса, пустим по каналам на поля воду. Мой проект мы подпишем все. Соберем тысячи подписей. Подписи всех фермеров. Передадим проект конгрессу. Конгресс примет наш проект. У него нет оснований не принять его. Ветер запутается в новых лесах, а земля влась напьется водой из каналов. Пусть меня тогда повесят, если выгорит хоть одно поле!

(Шум. Оживление.)

Г о л о с а :

— А, пожалуй, парень говорит правильно...

Ничего из этой затеи не получится...

— А ты уверен, Дьюд, что конгресс примет твой проект?

Дьюд. Вот тебе и на! А как же он может не принять? Скажите, ребята, кто может возражать, чтобы люди были сыты? И чтобы в штатах было больше пищи? Нет, ребята. Конгресс не может не принять наш план. Чтобы хлеба было больше? Этого же все хотят!

(Шум. Одобряющие возгласы).

З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Кабинет Давида Уолтена. Входят Уолтен и профессор Моррисон

У о л т е н . Уберите ваши вонючие сигары, Моррисон. Они вызывают у меня приступ астмы и мне хочется поколотить вас палкой.

М о р р и с о н . *(Неторопливо прячет портсигар в карман)*. Прошу прощения, мистер Уолтен. Волноваться вам нельзя. Я ваш доверенный врач и запрещаю вам волноваться. Ваш возраст и состояние вашего здоровья...

У о л т е н . *(Он перед этим садится и указывает Моррисону палкой в кресло напротив)*. Что мой возраст? Я спрашиваю, что вы болтаете о моем возрасте и здоровье?

М о р р и с о н . Дорогой мой мистер Уолтен, я вас знаю не первый год. Помню даже, хотя и очень смутно, без палки. Счастливые времена... Когда это было?

У о л т е н . Я переживу вас, Моррисон.

М о р р и с о н . Будем откровенны, мистер Уолтен, - врач имеет право быть откровенным. Вряд ли. Вы ведь очень старый *(Моррисон явно издевается над Уолтенем)*.

Мы оба люди дела и всякие там церемонии нам только мешают. Вы ведь не считаете, Уолтен, что медицина тоже бизнес? Может быть немножко меньше, чем ваш,

может быть немножко больше. Ведь все люди хотят быть здоровыми и обращаются к нам, врачам... Будем откровенны. Сохранить ваше здоровье для меня, с точки зрения деловой, чрезвычайно выгодно. Мертвый – вы не будете мне платить. Не так ли? Поэтому верьте в мою абсолютную заинтересованность в вашем здоровье. Мы поделили труд пополам: я отвечаю за ваше здоровье, вы – за состояние моего счета в банке... Не скрою, ваше здоровье мне не нравится. Это меня очень огорчает. С чисто деловой точки зрения. *(Патетически)*. Где ты молодость полная сил и веры в будущее? А теперь сердце дает перебои, интенсивное отложение извести, хрупкость кровеносных сосудов, общее нарушение функций организма и когда-нибудь... Скажите, вы в молодости не болели сифилисом, Уолтен?

Уолтен. Я не заказывал вам надгробное слово, Моррисон.

Моррисон. Сколько вам лет? Если память мне не изменяет, семьдесят шесть. Никто из нас когда-нибудь не избежит неизбежного, мистер Уолтен. Досадное упущение в произведении творца.

Уолтен. *(Он испуган, губа отвисла)*. Вы хотите сказать, Моррисон, что я могу...

Моррисон. Я хочу сказать, что вам особенно необходимо соблюдать предписанный мною режим. У вас колоссальные преимущества перед всеми смертными. У вас есть я и мои таблетки. Таблетки профессора Моррисона.

Уолтен. *(Сердито)*. Я вовсе не тороплюсь на свиданье с зубастой красавицей, Моррисон. Слышите вы? Я плачу вам доллары, чорт вас побери! Я готов проглотить тонну ваших таблеток, я требую за свои деньги сохранения своего здоровья.

Моррисон. *(Говорит задумчиво, почти нежно)*. Я принимаю меры и у меня возникают грандиозные планы... Новая лаборатория. Такой еще нигде не было. Лучшие специалисты мира, — их, кстати сказать, не дешево купить, Уолтен! Тысяча ученых и вся тысяча работает над проблемой бессмертия Давида Уолтена. Как вам это нравится? А пока строжайшая диета; чашка куриного бульона, пара яиц всмятку и, конечно, мои таблетки. С таблетками вы еще протянете.

Уолтен. Открывайте свою лабораторию, покупайте специалистов, тысячу, пять тысяч! Сколько вам надо еще? Я хочу жить! Это в ваших интересах. С мертвого Уолтена вы не получите ни цента.

Моррисон. Прекрасный деловой разговор! Математически точно. С мертвого Давида Уолтена я не получу ни цента. Без меня Давид Уолтен не получит бессмертья... Полная обоюдная заинтересованность друг в друге.

(Входит секретарь).

Секретарь. Мистер Уилки.

Уолтен. К чорту!.. Стойте!.. Идите, Моррисон. Чек получите у Стивенса. *(Секретарю)*. Зовите Уилки.

(Моррисон и секретарь уходят. Входит Уилки).

Уилки. Как здоровье, мистер Уолтен?

Уолтен. *(Смотрит на часы)*. Две лишние минуты.

Уилки. Вы сегодня не в духе, Дэв.

Уолтен. Наоборот, в прекрасном духе... В великолепном духе.

(Стремительно, несмотря на свою толщину, входит Буллен).

Буллен. Что за вид? Понимаю! Пилюли несравненного Моррисона и куриный бульон. Плюньте, Уолтен, на Моррисона. Ешьте, жрите, лопайте во всю. Пейте виски, а еще лучше русскую водку. Ей-богу Уолтен! Вы растолстеете вроде меня *(Счастливо смеется)*. А сейчас вы напоминаете святого. Хоть убейте, не помню какого. Ну, этого... Он еще среди своих братьев выделялся безупречным аскетическим поведением и, наверное, даже не знал, как пахнет виски. Вот свинья!

Уолтен. Хватит, Буллен... Начнемте. Я хочу познакомить вас с некоторыми моими планами.

Буллен. Слушаю, Уолтен.

Уолтен (*Брюзжит*). Я и говорю для того, чтобы вы слушали, а говорить вы будете потом в конгрессе. Именно для этого я и выбрал вас в конгресс.

Буллен. Сильно сказано, Уолтен.

Уилки. Не так сильно, как верно.

Уолтен (*Стучит ладонью по подлокотнику кресла*). Замолчите! Наша компания организована не для филантропических целей и пустых разговоров. У компании есть цель: нам нужны доллары. Без всякой болтовни - это наша единственная цель - превращать хлеб в доллары. Без этой цели существование компании теряет всякий смысл.

Уилки. (*В восторге*). Формулировка достойна выдающегося теоретика. Я запишу её, Уолтен?

Уолтен. Это первый вывод. Второй следует из первого: количество долларов, притекающих к компании, обязано безостановочно возрастать. Это — закон нашего благополучия.

Уилки. Движение долларов подобно движению крови в живом организме. Они несут жизнь.

Уолтен. Запомните, Уилки, я не люблю, когда меня перебивают. Маршалл помог штатам спихнуть в Европу порядком всякой дряни и завали и переправить на этот берег океана некоторое количество золота. После войны Европа глотала все, она влипла в его план по самые уши. Штаты купили Европу за паштет из конины. Маршалл ловкий делец. Вам, Буллен, надо учиться у него. Наша компания тоже неплохо заработала на Европе. Но прибыль должна расти безостановочно, а с Европы остается лишь содрать кожу.

Уилки. Кожа — товар.

Уолтен. Хлеб — товар лучше. Без хлеба не обойдется даже негр.

Уилки. Ну, негр-то может обойтись без хлеба!

Уолтен. Вы врете. Не обойдется. И очень хорошо, что не обойдется. Никто не обойдется. Хлеб обязаны покупать все.

Буллен. Что из этого следует?

Уолтен. Следует третий вывод. Раз без хлеба никто не обойдется, а хлеб в наших руках — мы можем продавать его да цене, которая устраивает нас. Надо поднять цены на хлеб. Хлеб не затоварится, а наша прибыль увеличится.

Буллен. Яснее, Уолтен. Как это сделать?

Уолтен. (*С раздражением*). Я вовсе не хочу жить среди сытых по горло. Среди сытых мне нечего делать. Их надо уговаривать, чтобы они покупали у меня хлеб. Они привередливы, как избалованная баба. Мне больше нравятся люди, у которых в животе остается свободное место. Такие люди вызывают у меня прилив энергии. Если в животе достаточно свободного места — больше гарантии продать хлеб по цене, которая устраивает меня. Короче: в штатах необходимо уменьшить количество хлеба и другого, что едят. Компания приняла первые меры: сожжено и высыпало в океан несколько миллионов бушелей пшеницы. Этого мало. Надо действовать решительнее, шире, по-американски.

Уилки. Вы здорово придумали, Уолтен. Но... как это воспримет правительство и, до какой-то степени, общественное мнение? Народ.

Уолтен. Плевать я хотел на них. Правительство — это мы, а народ — толпа, с интересами которой я не обязан считаться. Для этого я вас и позвал, чтобы вы не зевали. Вы, Буллен, внесете в свою сенатскую комиссию проект о сокращении посевных площадей и ограничении производства сельскохозяйственной продукции. Бейте на то, что в штатах могут оказаться избытки хлеба. Пригрозите кризисом. На кризисе умные люди умеют делать хорошие деньги. Члены комиссии вас, по всей вероятности, поддержат. Они заинтересованы в прибылях компании. Если кто будет упираться — купите. Кто будет особенно сопротивляться — пускайте в ход Москву. Это касается и вас, Уилки. Вас

особенно! Трубите в своих газетах о давлении из Москвы. Требуйте вмешательства комиссии по разбору антиамериканской деятельности. Там наловчились разбираться в таких делах.

У и л к и. Очень хорошо! Но это касается сенаторов. С ними справиться нетрудно. Они достаточно надрессированы.

Буллен. *(Обиженно)*. Вы переходите границы приличия, Уилки.

Уилки. Вас я не имею в виду, Буллен.

Буллен. Что! Вы не имеете меня в виду? Вы сомневаетесь в моей лойяльности по отношению к компании? Вы забываете, что большой процент акций принадлежит именно мне.

У и л к и. Перестаньте, Буллен. Я вовсе не хотел вас обидеть.

Буллен. Возьмите свои слова обратно, Уилки. Почему вы сомневаетесь в сенаторах?

Уилки. Беру. Не сомневаюсь. Но пока еще, к сожалению, к сожалению, мистер Уолтен, до какой-то степени приходится принимать во внимание и настроение толпы. Сокращение посевных площадей может вызвать у фермеров...

Буллен. Я перестану узнавать вас, Уилки.

Уолтен. А вот и сделайте общественное мнение, Уилки. Преподнесите это так, чтобы фермеры поверили, — ничего лучшего для них и придумать нельзя.

Уилки. Само собой понятно! Но имею в виду нечто другое. Есть смысл потребовать от правительства ассигнований средств на премии тем фермерам, которые откажутся от посева. Это для них будет хорошая приманка.

Уолтен. Хорошая мысль, Уилки! *(Смеется дребезжащим, холодным смехом. А лицо не смеется. Впечатление страшное)*. Придумано хорошо. Именно правительство должно ассигновать средства на премии. Из сумм налогов, собранных с фермеров. Пусть фермеры премируют себя за свой счет. Это называется накормить собаку ее же собственным хвостом. Я знаю фермеров. Деваться им некуда и на эту приманку они клюнут. Буллен! Внесите в сенат проект об ассигнованиях.

(Входит секретарь).

Секретарь. Прошу прощения, мистер Уолтен. Вы распорядились, чтобы телеграммы от представителя компании из штатов Великих равнин передавать вам немедленно.

Уолтен. Давайте. *(Читает телеграмму)*. Угу! Читайте, Буллен! *(Буллен читает и смеется. Передает Уилки)*.

У и л к и. Я не вижу здесь ничего смешного, Буллен. Толпа все же существует и, как видите, пытается думать самостоятельно, помимо нас.

Буллен. Вы преувеличиваете, дорогой Уилки. Какой-то фермер! Какой-то Форстен! Он может думать?

У и л к и. И даже выдвигает свой план.

Уолтен *(С большим раздражением)*. У этого фермера есть голова... Зачем фермерам головы? Мне не нравятся фермеры, которые думают. Им нужны только руки и животы. Животы, чтобы заставлять руки работать. Мне нужна новая порода фермеров. Выводят же новые породы скота, значит можно вывести и новую породу фермеров...

Буллен. За его план я не дам ни цента. Он неосуществим и конгресс не будет его рассматривать. Бред идиотов!

У и л к и. Это несомненно. Но Форстен поднимает шум среди фермеров, и сам факт...

Уолтен. У Форстена ничего не выйдет. У него не должно выйти... Но вы правы, Уилки, им воспользуются эти... красные, и поднимут вой. У Форстена есть очко в его пользу. Он хочет, чтобы все были сыты, а я не хочу, чтобы все были сыты. Я хочу, чтобы голодных было больше, чем сытых!.. В этом преимущество Форстена и поэтому

Форстена не должно быть. Сделайте это... Почему я должен думать о Форстенах? Они мешают мне. Америка — мы, а не Форстены!

З а в а в е с .

Картина вторая

Тот же, что и в первом действии, двор фермы Дьюда. Дьюд и Эда.

Дьюд. Дела-то идут, Эда! Смотри, сколько фермеров уже дали свои подписи. Еще бы не дать! Кому хочется строить свой дом на песке? Я думал, Смокк откажется, его крепко захватил в свои лапы прохвост Уэб. А Смокк взял да и подписался! Я начинаю лучше думать о нем... И ты мне здорово помогаешь, Эда. Спасибо тебе. Ты собрала столько подписей.

Эда. Это только начало, Дьюд. Я уверена, подпишутся все. Не только в нашей округе, во всем штате.

Дьюд. Во всем штате мало. Надо, чтобы подписались фермеры всех штатов. Все хотят быть сытыми... Пожалуй, только один фермер не подпишется.

Эда. *(Удивленно)*. Кто?

Дьюд. *(Смеется)*. Твой па. Старый Лестер продолжает рассказывать об аистах и лягушках и предсказывает мне виселицу.

Эда. Ты не обижайся на него, Дьюд. У па привычка во всем сомневаться. Он много пережил и мало верит в хорошее. Он ведь ва самом деле очень старый... и очень несчастный.

Дьюд. Я не обижаюсь на Лестера. У него нескладно сложилась жизнь. Это верно. Слишком много было неудач, вот он и не выдержал. Он хотел сделаться миллионером. Только оказался для этого слишком честным... Мы-то, Эда, устроим жизнь по-другому, не так, как твой па. Мы стали умнее. Ты ведь не хочешь миллиона долларов, за которым всю жизнь гонялся твой па?

Эда. *(Очень серьезно)*. Нет. Не хочу... *(Она задумывается и говорит тихо. Так говорят, когда мечтают о самом сокровенном и несбыточном)*. Я хочу обыкновенного, самого обыкновенного человеческого счастья без миллиона долларов. Говорят, оно есть. Дьюд? Не может быть, чтобы его не было. Самое, знаешь, такое простое счастье, когда на сердце не лежит тяжелый камень, когда на сердце спокойно, когда не надо думать, что будет со мной завтра. Неужели есть такие люди, Дьюд, которые не мучаются каждый день от мысли, что с ним будет завтра, как сложится их жизнь послезавтра? Ты понимаешь меня, Дьюд? Это ведь очень мучительно все время ждать — вот придет завтра и обязательно придет что-то страшное, что раздавит тебя и отчего нельзя спастись.

Дьюд. Ты не веришь, что завтра может быть хорошо? Чорт возьми! Не вешай головы, Эда. А ради чего мы били в Европе наци? Ведь американские парни знали, за что они дрались. Они дрались за то, чтобы завтрашний день можно было бы пожить спокойно и заниматься своими обыкновенными делами. Мы ведь дрались за себя, Эда.

Эда. Когда я бываю с тобой, Дьюд, мне перестает быть страшно. Ты такой сильный и все знаешь. Я начинаю верить, что может быть и на самом деле завтра будет хорошо.

Дьюд. Обязательно будет... Мы остановим пустыню Великих равнин. На полях будет вырастать то, что посеем и даже Смокку не надо будет с помощью Уэба менять климат.

(Эда и Дьюд смеются).

Эда. Смокк все-таки смешной. Ты слышал, как он кричит по вторникам? А мне его жалко. Ему живется очень трудно. Почему людям живется трудно, Дьюд? У Мэг Хелвуд так много ребят, им тоже не легко прокормить их. Дженни очень умный мальчик. Мне так хочется, Дьюд, чтобы и Дженни, и все остальные ребята Мэг были сыты.

Дьюд. Они будут сыты... А еще чего тебе хочется, Эда? Тебе не хочется, чтобы не только у Мэг было много ребят?

Эда. *(Она смутилась, или по крайней мере хочет показать, что смутилась)*. Я пойду, Дьюд. Я еще хотела зайти к Питеру. Его не было дома, но Питер обязательно подпишется...

(Эда уходит. Дьюд провожает ее добрым, ласковым взглядом. В калитке Эда оборачивается, машет рукой).

Эда. До свиданья, Дьюд. Ты очень сильный и с тобой легче дышется.

Дьюд. Все в порядке, Эда! Скоро всем фермерам будет дышаться легче. Ну, а тогда ты мне все-таки ответишь насчет ребят?

(Смеется. Эда скрывается за забором. Дьюд входит в дом, что-то насвистывая. Некоторое время двор остается пуст. Слышен звук подъехавшей автомашины, нетерпеливый сигнал sireны).

Голос Халливода, Хэлло! Дьюд Форстен! Хэлло!

(Опять сигналы автомашины).

(Калитка двора распахивается от пинка ногой. Халливод входит).

Халливод. Дьюд Форстен! Где ты запропастился? Хэлло!

Дьюд. *(Выходит на крыльцо. Останавливается на ступеньках, засунув руки в карманы)*. Ах это вы, шериф? Прошу прощения. Дверь закрыта, а я, признаться, после стрельбы в Европе стал туговат на ухо. Слышится мне будто свинья визжит. Чорт с ней, думаю. Мало ли почему свинья визжит? На то она и свинья, чтобы визжать. А это, сказывается вы, шериф. Прошу прощения...

Халливод. *(Он взбешен до крайности)*. Вот что, Дьюд Форстен! Я тебя предупреждаю — если не хочешь оказаться за решеткой, веди себя тише. Держи нос покороче.

Дьюд. *(Хмуро)*. Не понимаю, шериф.

Халливод. Не валяй дурака, Форстен. Ты отлично знаешь о чем я говорю.

Дьюд. Не имею ни малейшего представления.

Халливод. *(Угрожающе)*. Но! Если ты не кончишь свою идиотскую затею с фермерами, — не будь я Самуэль Халливод, шериф, — лично и с большим удовольствием надену на тебя браслеты, а наши молодчики быстро вправят тебе мозги куда следует... Много на себя берешь, Форстен. Ты кто? Президент штатов? Сенатор?

Дьюд. *(Едва сдерживаясь, ему очень хочется схватить Халливода за шиворот и выкинуть через забор)*. Нет, я не президент штатов, вы отлично знаете, кто я... А я вот никак не возьму в толк, шериф, чего вы от меня требуете?

Халливод. Ты хочешь, чтобы я высказался яснее? Хорошо. Нам не нравятся твои сумасшедшие планы. Они, видишь ли, парень, расходятся с планами мистера Уолтена. Что? Какие у него планы? Это меня не касается, это не мое дело. Да по правде сказать, планы мистера УОЛТЕНА не особенно меня интересуют... Ты может быть хочешь знать, что меня интересует? *(Халливод говорит с явной издевкой)*. Изволь. От тебя-то я ничего не скрою. Ты, на мой взгляд, парень с головой и стобой можно говорить начистоту — все равно ты не справишься. Я, пожалуй, зарнее подготовлю тебе местечко в нашей окружной тюрьме. А? Как ты думаешь? Стоит подготовить? *(Вдруг прорывается)*. Доллары! Чорт возьми, вот что меня интересует всю жизнь. Ты-то мне их не дашь, Форстен? Не правда ли? Если бы ты ухитрился дважды вывернуться наизнанку, из тебя все равно ничего не посыплется, кроме дерьма. А у старой обезьяны мистера Давида Уолтена долларов столько, сколько всю жизнь не снилось ни тебе самому, ни всей твоей родне. Стало быть мне и говорить с тобой нечего. По мне пропадай ты и все вы со всеми потрохами. И если старая обезьяна даст мне доллары и скажет — помоги, Сэм, мистеру Дьюду Форстену отправиться на свидание к его чортовой прабабушке, с наслаждением поддам тебе коленом в зад. *(Выразительный жест и довольный хохот)*. Ты доволен моей откровенностью, Форстен?

(В высшей степени довольный собой, Халливуд поворачивается и идет к калитке. Дьюд хочет кинуться за ним. Хорошо бы треснуть шерифа по башке! Но треснуть нельзя и Дьюду остается только сжимать кулаки в карманах).

Халливуд. (*Видит движение Дьюда и предостерегающе произносит*). Но! Гуд бай! Спокойной ночи, парень. Так помни: браслеты всегда к твоим услугам, а уж клетку для такой голосистой птички, как ты, я выберу по своему вкусу.

(Дьюд бросается вслед за шерифом, но по середине двора останавливается – ведь машина шерифа умчалась, подняв облако пыли).

Эда. (*Она быстро распахивает калитку и бросается к Дьюду*). Что с тобой Дьюд? Зачем приезжал шериф?

Дьюд. Что со мной? Ровным счетом ничего. Только я не пойму, какого дьявола нужно этому хорьку и причем тут мистер Уолтен?

Эда. О ком ты говоришь, Дьюд?

Дьюд. О Холливуде – шерифе. Как ты думаешь, Эда, я в своем уме? Может быть мой план увеличить количество хлеба в штатах противоречит здравому смыслу и только я не понимаю этого? Еще этот мистер Уолтен. Шериф говорит: его планы расходятся с моими. Как же так? Агенты мистера Уолтена скупают у нас хлеб. Я так понимаю, чем больше у него будет хлеба, тем больше могут его купить агенты Уолтена. Чорт возьми! Надо думать, именно этого и должен хотеть мистер Уолтен.

Занавес.

Картина третья

Комната на ферме Тома Хелвуда. Шериф сидят, вытирает платком шею, лицо. Ему жарко. Достает из заднего кармана плоский флакон с виски, пьет. Том Хелвуд — долговязый, нескладный парень, стоит перед ним,

Халливуд. Мне тебя не особенно жалко, Том Хелвуд. У тебя скверный характер. По-моему, ты похож на осла. У осла длинные уши и мало мозга. Другое дело, твоя жена и твои дети. Их-то я жалею. За что они должны пропадать? Объясни мне, Том Хелвуд, почему они должны пропадать? (*Пьет*).

Хелвуд (*Испуганно*). О чем вы говорите, шериф? Почему моя жена и дети должны пропадать. Кажется, я ничего не сделал такого, за что следует наказать мою жену и детей?

ХалХивуд. Все-таки ты глуп, Том Хелвуд. Я уже побывал на фермах Смогам. Рсбертсона и еще, наверное, у десятка порядочных людей. Они-то сразу поняли. А почему ты сживаешь со свету жену и ребят, не знаю. Твои планы мне неизвестны. Только из жалости к ним, заметь, честное слово, не к тебе, — готов помочь.

Хелвуд. Я буду благодарен вам, шериф.

Халливуд. Что мне в твоей благодарности? Сколько она стоит? Может быть ее можно заложить или продать?.. Ладно! Я сегодня сам не знаю почему, добр, как мой святой Самуэль. Ближе к делу. Ты дал свою подпись Дьюду Форстену?

Хелвуд. А разве это предосудительно, шериф? То, о чем говорит Дьюд, разумно.

Халливуд. Я уже говорил, что тебя мне не особенно жалко, Том Хелвуд. У тебя в черепе, наверное, много свободного места, а я не люблю людей, у которых в ящике нехватает. Какое тебе дело, разумно или не разумно? Ты о другом-то подумал? Да что я спрашиваю, — конечно, нет! Слушай ты, мистер Хелвуд. Мистер Давид Уолтен имеет свои планы, я тебе не скажу какие. Они большие, государственные планы и ты все равно не поймешь их. Запомни только одно: планы мистера Уолтена расходятся с планами Форстена.

Хелвуд. Это мне понятно, шериф. И тут нет ничего удивительного. Мистер Уолтен богат, а Дьюд Форстен, как и все мы, беден.

Халливуд. Нет, кажется, я согрешу против моего святого Самуэля, потерю терпение и откажусь вдолбить в твою башку самые простые вещи! Ни мне, ни тебе нет

никакого дела до того, кто прав, мистер Уолтен или Форстен? Это их личное дело. А у тебя жена и дети. Это уж твое личное дело. О них тебе и нужно думать прежде всего. Слушай ты, мистер Том Хелвуд. И постарайся понять, что я тебе буду говорить. Мистеру Уолтену не нравится затея Форстена. И вполне естественно, — ты с этим-то, наверное, согласен? — он постарается зажать его со всех сторон, а заодно и тех, кто с ним. Теперь скажи, у кого ты арендуешь землю?

Хелвуд. Земля-то, верно, принадлежит мистеру Уолтену. Тут кругом все принадлежит мистеру Уолтену. Куда не плюнь, все равно попадешь в него.

Халливуд. Ага! Правильно, в мистера Давида Уолтена... Что? Ты смотри у меня, попридержи язык... И вот мистер Давид Уолтен узнает, что Том Хелвуд, тот самый Хелвуд, который арендует у него землю, поддерживает Форстена, того самого Форстена, который мешает осуществлению его, Уолтена планов. Тогда мистер Уолтен расторгает арендный договор и Том Хелвуд остается с женой и ребятами без земли, без дома, под открытым небом. Что происходит с семьей Тома Хелвуда? Жена и ребята его доходят до гибели... Маленькие ребята! Вот такие! И до гибели... А у Тома Хелвуда просыпается совесть... Но поздно!

(Том, потрясенный, стоит перед шерифом. Шериф пьет еще из плоского флакона, поднимает палец, идет к двери. Сцена вращается. Шериф спускается с крыльца, идет через двор к калитке. Почти в калитке сталкивается с Биллом).

Билл. (*Немножко насмешливо*). Здорово, Сэм! Я бы, пожалуй, пригласил тебя на пару виски, если бы оно у меня было. И ты, пожалуй, не отказался бы его выпить даже со мной. Ведь не отказался бы? Но я тебя не приглашу. К тому же ты уже клюнул... Может быть ты угостишь меня?

Халливуд. Отойди в сторонку, парень. Мне некогда трепать с тобой язык.

Билл. Ого! Шериф, ты потряс меня до глубины моего сердца. Ты образец неподкупного служебного рвения. Твои заслуги не забудутся. Когда-нибудь тебя или повесят, или ты набьешь свои карманы долларами так, что мистеру Уолтену придется их занимать у тебя. Спокойнее, Сэм! Дослушай до конца. Скажу тебе, Сэм, по секрету: второе мне кажется более вероятным.

Халливуд. Ты не шутишь, Билл? Это верно! У меня действительно нет ни минуты свободной. Скажи, пожалуйста, какой дурак, кроме меня, будет болтаться по такой жаре с самого утра? А все из-за вас! Из-за этого идиота, твоего приятеля, Форстена. Уолтену же нравятся планы Форстена. Почему я знаю, чем не угодил Форстен Уолтену. И какое мне до этого дело. А я, видишь ли, вынужден колесить чуть ли не по всему штату и ликвидировать идиотскую затею Форстена. Собачья жизнь, Билл, у меня...

Билл. (*Нахмурился*). Дьюд мне нравится больше, чем ты, Сэм. Хотя я и думаю, что он напрасно затеял всю эту канитель. Дьюд молодчина. Он настоящий парень и башка у него варит, как у Авраама Линкольна. Дьюд здорово придумал. Будь я в конгрессе, — кстати, почему меня не выбрали в конгресс? — я выступил бы с речью в защиту его плана. А пока в конгресс меня не выбрали, я подписался под его планом: Билл Джонсон. Но из его затеи ничего не выйдет, Сэм. Верно ведь?

Халливуд. Ты правильно говоришь, Билл. Ничего не выйдет. И ты напрасно подписался...

Билл. Ну да, не выйдет. Вы его слопаете. Ты-то что! Ты так, шакал! Питаешься падалью и объедками. Мистер Уолтен — вот кто его слопает. Тот настоящий волк. Говорят, у мистера Уолтена катарр желудка. Вот чорт! А он все-таки лопает таких здоровых парней, как Дьюд, и ничего, только облизывается.

Халливуд. (*Отталкивает Билла, он взбешен*). Когда-нибудь, Джонсон, я сверну тебе шею.

(Скрывается за калиткой. Слышен шум умчавшейся машины. Билл хватая ком земли и бросает вслед машине).

Билл. (*Кричит вслед*). Шакал! Вонючий шакал! (*Пауза*). А все-таки шею он мне когда-нибудь свернет. (*Пожимает плечами*). А что собственно, Билл Джонсон, может

сделать тебе шериф Самуэль Халлибуд? Выкинуть из дома? Из этой лачуги, которая вызывает у меня удивление, почему она не развалилась до сего времени? Пожалуй, это даже лучше, если выкинет. Я боюсь в ней ночевать, а вдруг она развалится ночью и придавит меня? Упрячет за решетку? Ну что ж? По крайней мере, тогда не надо будет тратить столько драгоценного времени на разрешение существенного вопроса, чем набить свой желудок. Пускай государство позаботится об этом. *(У Билла вновь прекрасное настроение. Он что-то насвистывает и направляется к крыльцу дома Хелвуда).*

Стоп! А вот Дьюду, надо полагать, придется плохо. Дьюд иначе скроен. У Дьюда, чорт возьми, еще осталась вера в лучшее Это, разумеется, его дело, меня это не касается. Но все-таки Дьюд молодец. Ей-богу, я даже завидую ему. У него остался какой-то крючок, которым он здорово цепляется за жизнь. На всякий случай надо предупредить его и, если Дьюду на помощь потребуется пара увесистых кулаков, я всегда к его услугам. *(Поворачивается и уходит в калитку).*

З а н а в е с .

К а р т и н а ч е т в е р т а я

Тот же двор фермы Дьюда. Дьюд и Катерина.

К а т е р и н а. *(Кричит).* И я не перестану кричать, пока ты не вычеркнешь его подписи! Ты не имеешь права отнимать у моих младенцев последний кусок хлеба. Хлеб-то нам не легко достается Хорошо тебе, если ты один, а я приведу к тебе всех своих щенят и корми их. И этого тебе притащу! *(Катерина хлопает растопыренной пятерней по своему вздутому животу).* Я тебя спрашиваю, вычеркнешь ты его подпись или нет?

Дьюд. Перестань, Катерина. Я насильно никого не заставляю подписываться. Ты сама разберись. Разве я могу заставить насильно твоего Филиппа подписать мой проект? И никто не думает отнимать у твоих ребят...

Катерина. Предоставь мне самой заботиться о своих ребятах. Несчастливая я женщина! Навязал мне чорт в мужья барана, у которого не хватает соображения, чтобы позаботиться как следует о семье. Филипп готов бежать за каждым, кто поманит его. А посоветоваться с женой — не его дело. Ты-то очень хорош, если пользуешься ротозейством добрых людей и заставляешь их ставить свои подписи под планами, за которые можно лишиться всего и, чего доброго, попасть за решшку. Я тебе говорю - вычеркни его подпись!

Дьюд. Перестань орать. Вычеркну... Только никто не думает сажать за решетку ни тебя, ни твоего Филиппа. Ты глупая крикливая женщина, Катерина. Ничего ты не видишь дальше своего носа.

Катерина. Это мое дело, что я вижу. И не хочу видеть дальше носа. Я хочу, чтобы ты оставил в покое Филиппа и моих ребят. Без тебя нам хватает неприятностей. *(Рассерженная уходит).*

Б и л л. *(Входит во двор).* Эй, Дьюд! Здорово! Что тут у тебя за концерт? Я за целую милю слышал сольное выступление Катерины.

Дьюд. Какая муха их укусила! Сегодня с утра это восьмая. Так хорошо началось...

Б и л л. Как бы не начиналось, все равно ни черта у тебя не может получиться.

Дьюд Ты тоже пришел отказаться от своей подписи?

Б и л л. Я! Ты плохо знаешь меня, Дьюд. Билл Джонсон никогда не ходит носками назад. Слушай, сколько фермеров отказалось от своих подписей? Давай я распишусь вместо них.

Дьюд. Не валяй дурака, Билл. Лучше скажи, какая муха их укусила?

Б и л л. Почти всегда пьяная, разъезжает в синем автомобиле по кличке «Сэм». Давай, Дьюд, отлупим его?

(Дьюд досадливо отмахивается).

Дьюд. Ты можешь говорить серьезно?

Билл. Что за вопрос. О серьезном я всегда говорю серьезно. Вот, например, когда разговор идет о том, чем сегодня можно закусить и каким способом промочить горло, я всегда говорю серьезно. Эта тема понятная и деловая. Пожалуй, когда чем-нибудь можно подразнить Сэма, я тоже поступаю серьезно. У меня начинают дрожать внутренности, когда я вижу морду этого вонючего шакала. По этой причине я подписался и под твоим проектом... Смотри-ка, еще один. Хэлло, Том! Дьюд ждет тебя еще со вчерашнего вечера.

(Входит Том Хелвуд).

Дьюд. Что скажешь, Том?

(Том останавливается перед Дьюдом, молчит, чешет поясницу, переступает с ноги на ногу).

Билл. Смелее, мистер Хелвуд. Может быть ты дочешешь свою поясницу дома?

Дьюд. Перестань дрыгаться, Том! Ей-богу, меня начинает тошнить от твоего вида.

Хелвуд. Я вот что хочу сказать, Дьюд... Ты только не ругайся и, пожалуйста, не кричи на меня. С меня достаточно руготни и дома. Я знаю, ты прав. Тут ничего не скажешь... Ничего не скажешь... Если бы не обстоятельства... Я никак не предполагал, что у жены такой запас слез. Откуда только у женщин берется столько воды? Ребята, глядя на мать, тоже ревут. Они слышали, что говорил шериф — он убедительно умеет говорить и ему трудно возражать. Я породил их, Дьюд, и я отвечаю за них... Я обязан думать за них.

Билл. Вот это тебе не удастся, Хелвуд. Дьюд, как, по-твоему, удастся Тому думать или нет?

Дьюд. *(Со злостью. Ему хочется дать тумака Тому)*. Я вычеркну твою подпись. Ты ведь за этим пришел?

Хелвуд. Земля под моей фермой принадлежит мистеру Уолтену, Дьюд, ты же сам знаешь. А у меня, Дьюд, ребята и жена. Я отвечаю перед ними. Как-нибудь я прокормлю их. Наверное, Джонни скоро сумеет помогать мне. Он уже почти совсем большой. А Мэг совсем исхудала. Ветер валит ее с ног. Ведь она была такой сильной девчонкой, когда мы поженились... Может быть мистер Уолтен не тронет нас... Шериф убедительно говорит и все у него выходит верно. Ты тоже прав, Дьюд, тут ничего не скажешь. А я попал, как кролик, в западню. Разве я ленюсь, Дьюд? Я ковыряюсь в земле изо всех сил. Что поделаешь, третий год ветер слизывает посева, как корова языком. Ребята хотят есть, а Мэг качается от слабого ветра и хватается руками за что попало, чтобы удержаться на ногах. Может быть мне когда-нибудь повезет, Дьюд. Ты не ругайся. С меня хватит руготни дома.

Билл. Почему, Дьюд, ты все-таки не хочешь отлупить Сэма? По-моему, это праведнее дело и на том свете его можно обменять по крайней мере на сотню грехов.

Дьюд. Ладно, Том. Я вычеркну твою подпись, если ты этого хочешь. И я не ругаю тебя. Иди домой и пусть Мэг с ребятами прекратят концерт. Да передай Мэг...

Хелвуд. Я знаю, Дьюд, ты прав, тут ничего не скажешь и если бы...

Дьюд. Ладно, ладно, Том. Знаю. Если бы не обстоятельства. Так что ли?

(Том Хелвуд еще сколько-то топчется на месте, не зная, что сказать, потом нескладно поворачивается и, сторбившись, уходит.
Ноги его заплетаются).

Билл. Н-да... Ты знаешь, Хелвуд напомнил мне загнанную, задерганную клячу. Бывают такие клячи, у которых нет даже силы отмахнуться хвостом от укуса овода.

Дьюд. Какого чорта надо мистеру Уолтену? Какого дьявола надо этому пьянице Сэму? Может быть я круглый дурак и не понимаю, что нужно тебе, Тому, Катерине, всем обыкновенным простым американцам? Может быть мой план противоречит здравому смыслу? Больше хлеба, вот чего я хочу, Билл. Это так естественно и закономерно. Люди хотят досыта есть, есть каждый день. Быть сытым право каждого, законнее право каждого.

Билл. *(Насмешливо)*. На следующих выборах выстави свою кандидатуру в президенты. Один голос тебе гарантирован. Я буду голосовать за тебя. Тебе здорово идет выступать на митингах и сочинять законы. Если тебя не выберут в президенты, может быть в конгресс выберут. Вместе с мистером Уолтенем. Хо! Здорово! Кресла рядом: мистер Дьюд Форстен и мистер Давид Уолтен.

Дьюд. Замолчи. От твоей болтовни у меня растет злоба. Билл, ты помнишь, как там, в Европе, мы били наци? Ты ведь тог же дрался с ними в Европе! И мы все время помнили о том, что наци надо уничтожить, чтобы в штатах было лучше, чтобы нам никто не мешал жить так, как хочется нам. Ведь Америка-то принадлежит нам. Почему же все идет кувырком?

Билл. *(Говорит серьезно, без всегдашней своей иронии)* Я сам об этом думал, Дьюд, и мне кажется, что я что-то начинаю понимать...

(Вбегает взволнованная и расстроенная Э да).

Э да. Дьюд! Петер отказался дать свою подпись.

Дьюд. Петер?

Э да. Да... Он говорит: «Форстен здорово придумал и, если осуществить твои планы, Дьюд, то на земле повеселеет». Это говорит он, Петер.

Дьюд. Так почему же...

Э да. Но я не хочу, — говорит Петер, — ссориться с шерифом и с мистером Уолтенем. Шериф прямо сказал нам, что мистер Уолтен не одобряет твоих планов, Дьюд. А если так, то мистер Уолтен найдет способ прихлопнуть нас. Это говорит Петер.

Билл. Я говорю: что-то начинаю понимать. Мне еще надо додумать. У меня растет злость, Дьюд, и чешутся кулаки. Мне хочется кому-то пересчитать ребра.

(Дьюд молчит. Молчит Э да. Билл насвистывает какую-то песенку).

Билл. Я где-то прочитал, ей-богу, не помню где, мышей можно травить цементом. Возьми муки и примешай цемент. Мыши налопаются такой смеси и у них в желудке получится цементная пробка. Тут мышь и сдохнет. Может быть мистер Уолтен тоже облопается нами и подохнет. Вот только, стоит ли ждать, пока он облопается? Может быть ему надо помочь...

Дьюд. *(Он словно что-то решил)*. Ребята напрасно струсили. Ничего противозаконного я не предлагаю. Если разобраться как следует, все окажутся в выигрыше. В штатах прибавится хлеба и сытый человек будет крепче чувствовать себя на земле. Пьяница Сэм что-то перепугал. Не может быть, чтобы мистер Уолтен был заинтересован в том, чтобы жена Тома Хелвуда еле таскала ноги от голода, или на поле твоего отца, Эда, торчала солома. Ребята напрасно струсили. Уолтен, конечно, собака. Он слишком много зацапал в свои лапы, но скажи, пожалуйста, какой смысл ему выступать против моего плана?

Э да. Па говорит, что весь мир разделился на лягушек и аистов.

Билл. Это уж мы слышали,

Дьюд. Ты не обижайся на меня, Эда, но твой па не в моем якусе. Я как-то говорил об этом. У старика было слишком много неудач и он мрачно смотрит на мир. Мне сдается, что все напугал Сэм. Пожалуй, во всем виноват он. Сэм запугал ребят. Вдолбил им в голову, что Уолтен сотрет их в порошок, если в штатах прибавится хлеба. Найди мне идиота, который будет возражать против того, чтобы люди были сыты!

Билл. Не забудь и о выпивке, Дьюд.

Э да. Это так... Никто, конечно, не может возражать против того, чтобы люди были сыты. Но что ты думаешь делать, Дьюд?

Дьюд. Что делать? Чорт возьми! Прежде всего, довести дело до конца. Я познакомлю со своим планом всех жителей штатов и Сэм не сумеет помешать мне. Ты забыла мистера Хейгена, Эда.

Э да. Мистера Хейгена?

Дьюд. Да. Того Хейгена, который издает газету. Помнишь его статью «Америка лучше всех стран». Он разбирается в государственных делах, как ребята Тома в репе на своем огороде. Я пойду к нему и познакомлю мистера Хейгена с моим планом. Разве он не поддержит меня? Смотри веселее на жизнь, Эда. Зачем ты вешаешь нос!

Эда. Ты умеешь быть сильным, Дьюд. С тобой всем становится легче, даже когда очень тяжело...

Билл. *(Насмешливо)*. Я уже чувствую себя по горло сытым и сверх носа пьяным.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Кабинет Арно Хейгена. Хейген за большим письменным столом.

Трещат телефоны.

Хейген. Еще что?.. Дальше... Ни один дурак не примет всерьез ваше сообщение... Спокойнее, Гарри! Дать его надо обязательно. Первый раз — не поверят, второй раз возмутятся, третий раз — назовут вас идиотом, а потом привыкнут и все встанет на свое место. Валяйте! Из вас, пожалуй, кое-что может получиться. Приправьте ваш бред перцем, взрывчаткой. Чем нелепее, тем лучше. Оставляю для вас пятьдесят строк.

(Звонок телефона).

Хэлло!.. Да, Хейген... Решил покончить самоубийством? Превосходно! Не отходите от него ни на шаг. Вывалиться из окна — бездарно. Каждый день кто-нибудь вываливается из окна или душится газом. Надо что-нибудь оригинальнее. Придумайте и уговорите. Не все ли ему равно, каким способом отправиться на тот свет. За обыкновенное самоубийство не заплачу вам ни цента. Надо, чтобы у читателей звенели нервы...

(Звонок телефона).

Хэлло!.. Хейген... Высадка десанта красных войск? Здорово придумано!.. Чепуха! Не принимайте меня за болвана, — конечно, вранье... Дадим на первой полосе...

(Звонок телефона).

Хейген. Вы полнейшая тупица и я спущу вас с лестницы. Кому нужны ваши безработные...

(Входит секретарь).

...Ваши родители, наверное, страдали хроническим слабоумием! *(Бросает трубку)*.

Секретарь. Мистер Хейген, с вами хочет разговаривать какой-то Форстен.

Хейген. Форстен? Не знаю... Подождите. А-а, Форстен! *(Что-то вспоминает)*. Вот что. Пусть этот Форстен войдет.

(Секретарь уходит. Входит Дьюд. Хейген, погруженный в бумаги, делает вид, что не замечает его).

Дьюд кашляет. Тогда Хейген отводит в сторону газету, молча смотрит на Дьюда).

Дьюд. Мистер Хейген, штаты могут получить миллионы бушелей добавочного хлеба и все люди могут быть сытыми...

Хейген. Что!?

Дьюд. Я читал вашу статью «Америка лучше всех стран». И я тоже думаю, что Америка пришла как раз по мерке американцам. Я вот тут подсчитал, как увеличить количество хлеба в штатах. Затраты окупятся, мистер Хейген, и даже прибыль получится. Дело тут верное и размазывать нечего. *(Достает листы бумаги, протягивает Хейгену, тот берет и читает, Дьюд садится)*.

Хейген. *(Он перебросил языком сигару из одного угла губ в другой)*. Э-э, мистер...

Дьюд. Меня зовут Форстен, мистер Хейген.

Хейген. Да-да, Форстен. Допустим, что вы, Форстен, имеете какое-то основание утверждать, что увеличить в штатах количество хлеба возможно. Для меня не совсем ясна целесообразность этого. Разве вы считаете, что в штатах хлеба нехватает?

Дьюд. Тут и думать нечего. Посмотрели бы вы на наших фермеров. Они совсем разорились. Им нечего жрать, мистер Хейген. На наших полях торчит высохшая солома. Ветер выдул всю влагу и высосал все зерно. Мэг Хелвуд — это жена моего соседа Тома Хелвуда — еле волочит ноги, а ребята у них — одно несчастье.

Хейген. Это очень печально... Я говорю, очень печально, если жена Тома, как вы его назвали?

Дьюд. Тома Хелвуда.

Хейген. Да, Тома Хелвуда. Жена Тома Хелвуда больна и дети для нее несчастье. Подумайте, дети - несчастье! Но я не вижу особой связи между количеством хлеба в штатах и состоянием здоровья семьи вашего соседа!

Дьюд. Так ведь у Тома на его поле ветер слизал все начисто.

Хейген. Начисто? Стихия. Несчастный случай! Может быть это и так, вероятно, это так. Я верю вам. Но я располагаю другими сведениями, мистер... мистер...

Дьюд. Форстен.

Хейген. Мистер Форстен... Нельзя делать выводы, основываясь на частном случае. Это всегда влечет за собой ошибочные выводы. Нет, нет, я не согласен с вами мистер Форстен! Может быть вы поверите мне, что я-то в курсе дела. Хлеба в штатах вполне достаточно, даже слишком достаточно. Вот в чем беда штатов и ваша, Форстен. Хлеба слишком много. Это легко доказать. Как? Очень просто. Познакомьтесь хотя бы вот с этими материалами развития операций хлебных и других продовольственных компаний. Ну, хотя бы компании мистера Уолтена. Цифры есть цифры, дорогой Форстен. Если бы в стране хлеба было мало, разве могла бы процветать такая почтенная компания, как компания мистера Уолтена? О Форстен, Форстен! Компания Уолтена может завалить хлебом всю Европу. А вы говорите — хлеба нехватает! Конечно, очень печально, что с семьей вашего соседа произошло таксе несчастье. Однако это только частность. Кстати, Форстен, именно на таких частных случаях строят свою антиамериканскую пропаганду все эти красные агитаторы, для которых наши благословенные штаты — пустой звук. *(Арно Хейген крайне возмущен деятельностью красных агитаторов).*

Надо же разбираться в обстановке, Форстен. Мы живем на вулкане. На нашу мирную страну каждую минуту могут напасть большевики. В угоду им красные раздувают всякую случайность. Это же общеизвестно! А русские большевики, Форстен... Готов держать пари, в несчастье семьи вашего соседа, если разобраться как следует, виновата Москва. *(Арно Хейген даже остановился от внезапно осенившей его мысли).*

Конечно, Москва! Москва и русские большевики хотят гибели американского фермера Тома Хелвуда. Это же так ясно! Сенсация!

Дьюд. Какое дело русским большевикам до семьи Тома Хелвуда?

Хейген. Не знаю. Это, в конце концов, и не важно. Но вы, Форстен, располагаете неопровержимыми доказательствами, разоблачающими антиамериканскую пропаганду красных. Красных финансируют русские большевики. Спасибо, Форстен. Вы настоящий американец!

Дьюд. *(Нахлобучил шляпу, поднялся).* Вот что, мистер Хейген, я и на самом деле настоящий американец и у меня нет никаких доказательств и я не думаю, чтобы русские были заинтересованы в гибели семьи Тома Хелвуда. Ветер-то дует на наши поля не из Москвы, а с Великих равнин. Я так понимаю, что вы не хотите поддержать мой план. Ладно!.. Пожалуй, я ошибся. *(Уходит).*

Хейген. *(Он возбужден, он бежит по кабинету, звонит. Входит секретарь).* Тащите сюда Невви! Короля репортеров Невилля Макнейла. Выкопайте мне его из-под земли. Если он пьян, боже вас спаси вытрезвить его. Накачайте его еще. Когда Невви пьян — он гениален.

(Секретарь уходит. Хейген проявляет нетерпение. Входит Неввилль).

Неввидь, Вы меня звали, несравненный шеф?

Хейген. Сенсация, Невви! Сто уротив нуля. Плачу тебе по два доллара за строчку.

Неввил ь. *(Не дожидаясь приглашения, опускается в кресло и с независимым видом разваливается, закинув ногу на ногу)*. Осечка, шеф. Вы неосторожны, Арно! Вы выдали себя с головой. Ваше возбуждение доказывает, что я вам очень нужен. Не так ли, обожаемый шеф? Три доллара и ни цента меньше.

(Несколько секунд молчания. Хейген взвешивает свои шансы и шансы Макнейла — вот, вот разразится гроза).

Хейген. *(Улыбается)*. Очко в твою пользу. Если бы ты был чуточку порядочнее, я бы, пожалуй, вышвырнул тебя за шиворот, но ты законченный негодяй. Именно это я и ценю в тебе. Плачу три.

Неввил ь. Кстати, Арно, именно по этой-то причине и я работаю у вас.

Хейген. Но!.. Знайте меру, Неввил ь. Что вы хотите сказать?

Неввил ь. Так, личные эмоции. К вашим услугам, шеф. Что я должен делать?

Хейген. Двести строк на первой полосе! Удар в сердце красных. Московские большевики, осуществляя свои антиамериканские замыслы, готовятся напасть на Америку.

Неввил ь. Старо. Клюет на это плохо.

Хейген. *(Упрямо)*. Готовятся напасть на Америку. Трубите об этом каждый день, гипнотизируйте, рекламируйте. Дьявольский план Москвы! Готовясь к нападению, большевики организуют разорение семьи фермера Тома Хелвуда. Интервью с семьей Тома Хелвуда. Жена больна, дети голодают... Не жалейте самого отчаянного черного цвета.

Неввил ь. Ага! Начинаю понимать... Вот так... Похожие на живые скелеты, дети Хелвуда безмолвно протягивали ко мне прозрачные ручонки, словно хотели спросить «за что?».

Хейген. Валяйте!.. Впрочем, «за что?» не надо. Не ясно у кого и о чем они спрашивают. И вообще больше экспрессии, решительности. Активнее, активнее, Невви! Придумайте что-нибудь острее, что-нибудь такое... Вот так, например: «Протягивают руки, словно просят у меня — стройте больше реактивных самолетов, больше атомных бомб, спасите нас от Москвы». И в аншлаге самым крупным шрифтом обязательно: «Дьюд Форстен»... Чорт побери! Дьюд Форстен такой же фермер, как и Хелвуд, но...

Неввил ь. Bravo, bravo! Но он красный, он дьявольски хохочет над страданиями несчастных детей. Он проданся...

Хейген. *(Очень ласково)*. Вы не угадали, Невви. Грубая работа. Очко в мою пользу. Плачу вам все-таки два доллара за строчку. Представьте себе как раз обратное! Дьюд Форстен разоблачает пропаганду красных. Во что бы то ни стало надо дискредитировать Форстена в глазах красных! Он опасный человек. Беспроигрышный ход. Сто против нуля. Мы превратим этого Форстена в первосортного каплуна. Мы выхолостим его, Невви!

Неввил ь. Сдаюсь. Мне действительно еще далеко до вас. На первых же выборах отдаю свой голос за вас, Арно. Вы не откажетесь от губернаторства в штате?

З а н а в е с .

К а р т и н а в т о р а я .

Бар на автобусной станции. На стенах самые невероятные рекламы. Реклама обо всем. Несколько человек сидят за столиками, стоят у стойки. Это пассажиры, ожидающие своих автобусов.

Г о л о с а :

— У нас тоже не рай. Нет, не рай. Говорят, на юге можно найти работу. Вот я и двинулся...

— На юге все равно, что на севере...

— Теперь всюду одинаково...

— Вот я и двинулся... У нас расклеены листовки — на южных плантациях нехватает рабочих.

— Листовки для дураков.

— Миссис! Дайте мне промочить горло.

— Все равно глотку забьет проклятой пылью.

— Я говорю, листовки для дураков!

— На юге сезон сбора фруктов. Я сам с юга. Теперь на юг приедет сто тысяч желающих получить работу. Хозяева плантаций возьмут вас голыми руками.

— Ты слушай его, он говорит правду. Это повторяется каждый год. Если бы вы сидели на месте, было бы лучше. По крайней мере не снижали бы заработок у других

— Не расстраивай парня, Смит, может, ему повезет.

Г о л о с и з р а д и о р е п р о д у к т о р а . Автобус на юг отходит через пять минут.

— Это мой автобус. У нас то же не рай. А на юге, кто знает, может, в листовках пишут правду... Получи, хозяин.

— Валяй, валяй, парень, ищи счастья...

— На заводе опять сокращение, вот я и остался за воротами. Говорят, работу можно найти на севере, конечно, если повезет.

(Входит Дьюд Форстен. За ним Херли и еще парень).

Дьюд. (*Подходит к стойке*). Дайте мне выпить, хозяин. Я, кажется, попал в чертовски глупую историю. Это мои последние деньги, но все равно дайте мне на них виски... Настроение у меня такое, слоено я по ошибке проглотил дикого кота и он царапается у меня внутри. Нет, нет, хозяин, ничего особенного не произошло, просто я был сейчас у мистера Хейгена.

Г о л о с :

— Ого! Не у того ли мистера Хейгена, который издает газету?

Дьюд. Да, да, у того мистера Хейгена, который издает газету.

Г о л о с а :

— Что ты там забыл, парень?

— Наверное, ты хотел дать объявление о своей торговой фирме.

— Нет! Он сообщал о дне своей помолвки.

— Дьюд. Вы шутите, ребята. У меня нет никакой торговой фирмы и я нис кем не помолвлен. Я выпью еще, хозяин, как вы думаете?

Х о з я и н . Если есть деньги, думаю, выпить следует.

Дьюд. Выпью еще. Может быть проклятый кот перестанет царапать мои внутренности. У меня нет никакой торговой фирмы Я обыкновенный фермер. Меня зовут Форстен и моя ферма расположена в двадцати милях отсюда на самом скате холма. Просто мистер Хейген издает газету и напечатал в ней статью, которая здорово пришлась мне по вкусу. «Америка лучше всех стран» — вот как она называется. Мне много пришлось поболтать по Европе и могу сказать, домой меня тянуло всюду. Лучше всех стран — Америка, — это думал я. Дома нет проклятой стрельбы и развалин, а под ногами твердая земля и она не взлетает вместе с тобой на воздух. К стрельбе, ребята, и к развалившимся домам привыкнуть порядочному человеку трудно.

Г о л о с а :

— Нельзя привыкнуть.

— Этот фермер говорит толково.

— Хозяин, пару виски мне и ему!

Дьюд. ...Вот это настоящий американец, — подумал я.

Г о л о с :

— О ком подумал?

Дьюд. Да о нем же, о мистере Хейгене! Пойду к нему и расскажу о своем плане. Он-то уцепится за него обеими руками.

Г о л о с а :

— О чем ты говоришь, какой у тебя план?

— Хватит нам одного плана!

— Не перебивайте, пусть говорит фермер.

Д ь ю д . Какой у меня план? Ну, что же, если вы хотите знать, я скажу вам. И вам, хозяин, и всем вам, ребята, раз вы меня слушаете. План у меня такой, чтобы у нас в штатах было больше хлеба и всего, чем человек бывает сыт. Чтобы все были сыты.

Г о л о с а :

— Ну и хватил!

— Как же ты хочешь набить всем животы?

Д ь ю д : А получилась такая чертовщина, что в голове у меня все перемешалось. Вы знаете, что сказал мне мистер Хейген? Он сказал, что во всем виноваты русские.

(Сразу тишина, настороженность).

Г о л о с :

— При чем тут русские?

Д ь ю д . Вот и я так думаю. Что-то я никак не пойму. При чем тут русские? Ветер-то дует на наши фермы не из Москвы, а с Великих равнин. С Великих равнин на наши посевы ветер наносит уйму песка и пыли. Какое отношение к этому имеют русские большевики? Они сидят у себя дома и занимаются своим делом. Дела-то после войны у них хватает. Я был в Европе и знаю, что такое война. А мистер Хейген говорит, что русские хотят разорить семью Тома Хелвуда — это мой сосед. Слышите, ребята? У меня будто бы есть документы, подтверждающие это. Нет! Никаких документов у меня нету, я-то лучше знаю, есть у меня документы или нет. И насчет ветра тоже знаю. Моя ферма стоит на самом скате холма и мое пшеничное поле засыпано песком на три дюйма... Пустыню надо остановить, ребята, тогда хлеба будет больше. Вот что я предложил мистеру Хейгену.

(Оживление, смех).

Г о л о с а :

— Ого!

— Фермер, наверное, хватил лишнего.

— Ничего у тебя не выйдет, Форстен!

— Как же ты думаешь остановить ее?

Д ь ю д . Что? Кто это говорит? Ты говоришь? Ты ничего не понимаешь, парень. В пустыне надо насадить леса и прорыть каналы. У меня все подсчитано. Под моим планом подпишутся все фермеры и пусть тогда конгресс откажется!

Г о л о с :

- Конгресс не будет рассматривать твой проект, если ты даже соберешь миллион подписей.

Д ь ю д . Почему? Разве мой проект плох? Разве любой честный американец не хочет, чтобы в Америке жилось веселее?

Г о л о с :

— Ты о какой Америке говоришь?

Д ь ю д . Вот тебе раз! Об этой самой Америке, за которую мы били нацистов и в которой мы с тобой, парень, живем. Другой-то Америки нет?

Г о л о с :

— Плохо ты соображаешь, Форстен. Вы, фермеры, туго соображаете. Подсчитай, раз ты мастер подсчитывать, может, и выйдет, что Америки все-таки две. В одной, например, ты и, как зовут твоего приятеля, — кажется, Хелвуд? Ну и еще многие. А куда ты денешь мистера Хейгена?

Х о з я и н . Прошу вас, ребята, не устраивайте у меня митинга.

Г о л о с :

— Ты, парень, хочешь, уговорить лисицу, чтобы она не тащила кур. Лисиц не уговаривают, сам знаешь, что с ними делают... Не с того конца ты начинаешь.

Х о з я и н . Прекратите пропаганду, не заставляйте меня пригласить полисмена.

Г о л о с а :

— Не мешай им!

— Ну, ну, не кипятись, хозяин!

— Правильно говорит длинный!

— У тебя, наверное, у самого кишки заплыли салом?

Г о л о с и з р а д и о р е п р о д у к т о р а . Автобус на север отходит через четыре минуты.

(Суматоха. Большинство торопливо уходят).

Д ь ю д . *(Он растерян)*. В этой чертовщине трудно разобраться. Мистер Хейген говорит, что с Великими равнинами все в порядке, и хлеба в штатах даже слишком много. У мистера Хейгена вот такая гора цифр, а у Тома Хелвуда и Смокка, да и у Лестера и у меня ни одного мешка пшеницы!

Х е р л и . *(Подходит, сделал знак другому парню. Хлопает Форстена по плечу)*. Хозяин! Я угощаю этого фермера. Может быть после виски у него просветлеет в голове. Ты мне нравишься, Форстен.

Д ь ю д . Спасибо. Нет, я не буду больше пить. Не хочу. Я говорю, хватит! Мне надо как-нибудь разобраться во всем этом, чтобы мозги встали на свое место.

Х е р л и . Нельзя отказываться, парень, когда тебе предлагают виски.

Д ь ю д . Я не буду больше пить. Прощайте, хозяин.

Х е р л и . Ты не можешь отказаться от моего угощения!

Д ь ю д . Что тебе от меня надо?

Х е р л и . Выпей со мной. Мне приятно выпить с умным парнем. *(Толкает Дьюда плечом на другого парня)*. Ты обижаешь меня. Так порядочные люди не поступают. Ты хочешь скандала?

(Опять толкает Дьюда).

Д ь ю д . Я говорю — полегче! Полегче, приятель! Я не футбольный мяч, чтобы мною перебрасываться. Эй, что ты делаешь? *(От толчка Дьюд падает на витрину. Звон разбитого стекла)*.

Х о з я и н . Полисмен!

(Шум. Х е р л и и другой парень исчезают. Входит полицейский. Он словно ждал, когда будет разбито стекло).

П о л и ц е й с к и й . С *Щелкает «браслетами», надевая их на руки Дьюда*. Ты арестован, парень.

З а н а в е с .

К а р т и н а т р е т ь я .

Зал заседания суда. Справа в углу на большом возвышении место судьи Д ж е ф е р с о н а . За ним места членов суда. На переднем плане слева публика. Пока судьи еще нет. Разговоры. Публика ведет себя, как в театре. Суд, что не говорите, интересное зрелище.

Г о л о с а :

— Вчера судили Джо.

— Джо? Досадно, не знал. Как раз думал, куда бы мне деть свободное время. Надо бы посмотреть на эту знаменитость.

— О ком вы говорите?

— Разумеется, о Джо Пипеге. О ком же сейчас говорят?

— Увлекательное зрелище. Стоит мальчишка, как будто самый обыкновенный мальчишка. Как мой Эдди! Эдди в пятницу исполнилось четырнадцать. Джо может быть на полгода старше, на полгода — не больше.

— На фотографиях ему можно дать десять.

— Чепуха! Я своими глазами видел Джо и говорю, — ни больше, ни меньше — пятнадцать.

— Не будем спорить. Пусть будет пятнадцать... Стоит совершенно непринужденно, будто не о нем печатают ежедневно тысячу строк, будто ему наплевать на весь мир.

— Вы заметили его глаза? Такие чистые голубые глаза. Совсем ребенок.

— Судья требует — расскажите: при каких обстоятельствах вы совершили убийство? Джо ничуть не смутился.

— Вы заметили, он даже улыбнулся.

— Верно. Он улыбнулся, когда сказал: «пожалуйста». «Сначала я вошел в спальню мамы, - говорит Джо. Мама спросила, - что тебе надо, Джо? - Дай мне пятьдесят долларов. - Мама рассердилась на меня и стала кричать, а я выстрелил в нее».

- Это ужасно! Выстрелить в мать?

- И так хладнокровно: я выстрелил.

- Абсолютно спокойно. Выдержка у молодого человека изумительная. Выстрелил в мать. Тогда в спальню вбежала его младшая сестра Дженни. Она увидела, что тут произошло, и завизжала.

— Девчонки всегда визжат!

— Джо выстрелил и в неё. И все это, заметьте, говорит с таким самообладанием. Его тут же на суде засняли для кино...

— Представитель кинофирмы пригласил Джо для съемки новой картины и пообещал ему выдать чек на десять тысяч долларов. Посмотрели бы вы как у судьи глаза заблестели!

— Чорт! Досадно. Если бы я знал, обязательно пришел бы посмотреть. Вероятно, сегодня будет тоже что-нибудь интересное?

- Вряд ли. Будут судить какого-то фермера.

— Тоже убийство?

— Может быть, изнасилование? Бывает интересно.

— Нет, кажется обыкновенная драка.

— Если будет скучно, пойду посмотреть новый фильм. Конечно, в кино не так волнует, все-таки в кино не живые люди. Что делать! Сегодня новый фильм — «Роковой фонарь». Если судить по рекламе, захватывающий фильм. Муж убивает тетю своей жены, перед этим он старается довести ее до сумасшествия, чтобы завладеть ее бриллиантами. Потом убивает жену. Бриллианты отзываются поддельными. Мужа судят. Ему грозит каторжная тюрьма. Потом оказывается, что бриллианты все-таки оказались настоящими, а муж шизофреником. Его освобождают.

(В зал вводят Форстена).

Г о л о с а :

— Смотрите, вот этот самый фермер.

— Ничего выдающегося!

— Ну, этому далеко до Джо!

(Входит судья Джеферсон и члены суда).

Г о л о с а :

— Это, разумеется, не Джо.

— Тише...

Джеферсон. Подсудимый Форстен.

Дьюд. Я Форстен.

Джеферсон. Знаете ли вы в чем вас обвиняют?

Дьюд. Не имею ни малейшего представления.

Джеферсон. Вы нарушили закон.

Дьюд. Это какой же закон я нарушил?

Джеферсон. Во-первых, не прикидывайтесь дураком. Справедливый закон Благословенных штатов. Во-вторых, нарушение выразилось в покушении на

собственность, принадлежащую мистеру Берроу — владельцу бара на автобусной станции, и в покушении на общественный порядок. Будучи пьяным, вы затеяли драку и разбили стекло в витрине.

Дьюд. Я не был пьян.

Голос:

— Я же говорил, ничего интересного. Пойду посмотреть «Роковой фонарь».

Джеферсон. Мистер Берроу!

Берроу. К вашим услугам, мистер Джеферсон.

Джеферсон. Подсудимый отрицает состояние опьянения. Как известно, опьянение наступает в результате выпитого виски и других спиртных напитков.

Голос:

— Судья-то видно здорово разбирается в этих делах!..

Джеферсон. Надеюсь, с этим вы согласны, Форстен? Не будете ли вы любезны, мистер Берроу, сказать нам, что делал подсудимый Форстен в вашем баре?

Берроу. С удовольствием, мистер Джеферсон. То, что делают другие посетители. Он пил виски.

Джеферсон. Вы и теперь отрицаете, Форстен?

Дьюд. Я выпил столько виски, что от него и курица не опьянела бы.

Джеферсон. Количество в данном случае не является решающим показателем... Науке известны факты, когда полное опьянение наступает от минимальной порции виски, тем более, что высокое качество виски, продаваемого мистером Берроу, нам всем хорошо известно.

Голоса:

— Что я говорил! Судья в этих шгуках знает толк.

— Тише.

— Виски-то у Берроу действительно первосортное.

Джеферсон. Итак, Форстен, вы не можете отрицать установленных фактов. Вы пили виски и, следовательно, были пьяны. Ваше запирательство заслуживает сурового осуждения. Имейте в виду, ваша попытка ввести суд в заблуждение отнюдь не смягчает вашу вину. Может быть вы будете утверждать, что и драку вы не затевали, и витрину, принадлежащую мистеру Берроу, не разбили?

Дьюд. Я не затевал драки. Я хотел уйти из бара, чтобы отправиться к себе на ферму. Меня толкнул какой-то парень. Я посторонился, чтобы не связываться с ним. В это время меня толкнул второй. Я сказал: «Брось, парень, я не хочу драться, я не футбольный мяч, чтобы перекидываться мною». Тогда первый опять меня толкнул и как раз на витрину. Тут подошел полицейский и арестовал меня.

Джеферсон. Почему же он арестовал вас, а не тех, кто вас толкал?

Дьюд. Об этом лучше спросите полицейского.

Джеферсон. Хорошо, спрошу. Робинс, это вы арестовали Форстена?

Робинс. Да, мистер Джеферсон, я.

Джеферсон. При каких обстоятельствах был произведен арест?

Робинс. Вот этот, Форстен, вошел в бар. Мистер Халливуд, шериф, еще раньше сказал мне — посмотри, Робинс, за этим парнем. Если он войдет в бар, ты стой поближе. Услышишь — стекло зазвенит и входи.

Голос Халливуда. Ты осел, Робинс! Я тебе этого не говорил.

(Хохот).

Робинс. (Смущенно). Прошу прощенья, мистер Халливуд... Вы и в самом деле мне этого не говорили. Это вы не о Форстене, о другом говорили.

(Хохот).

Джеферсон. Я вынужден буду удалить публику... Продолжайте, Робинс. Вы, как хороший полицейский и специалист своего дела, заранее обратили внимание на Форстена. Что-то в нем вас заинтересовало.

Робинс. (*Обрадованно*). Да, да, мистер Джеферсон. Я, как специалист, сразу сообразил: парень-то, наверное, разобьет витрину. Ну, я подождал, когда зазвенело стекло и поспешил к месту происшествия. Стекло разбил вот этот, Форстен. Никаких парней поблизости не было.

Джеферсон. Что вы на это скажете, Форстен?

Дьюд. По-моему, тут и говорить нечего. Вы и сами отлично видите: полицейский врет и совсем запутался.

Джеферсон. Значит, вы не доверяете показаниям официального представителя государственной власти? Вы обвиняете его во лжи? Может быть вас вообще не устраивает государственный порядок, существующий в штатах? Это очень похоже на вас. Форстен. Нам-то достаточно известен ваш образ мыслей. Вот взгляните-ка на этот номер газеты: «Фермер Дьюд Форстен располагает неопровержимыми доказательствами финансирования красных Москвой». Откуда у вас могут быть эти доказательства?

Дьюд. У меня их нет и я об этом ничего не знаю. Все это подстроено...

Джеферсон. Молчите! Вам не приходила в голову мысль, что наиболее вероятная возможность получить эти доказательства — ваша связь с Москвой? Вы маскируетесь, Форстен. Хитрый ход. Вы против Америки! Вы против своей родины! Нет, я не допускаю этого. В противном случае каждый честный американец должен смотреть на вас... (*Мистер Джеферсон овладел собой. Он вновь бесстрашный слуга слепого правосудия*). Вам нечего сказать, Форстен? (*Передает членам суда документы. Те подписывают и возвращают*).

— Суд на все вопросы ответил: «да, виновен». Суд считает обвинение, предъявленное Форстену, доказанными и присуждает подсудимого Форстена:

а) За разбитое стекло витрины, являющееся собственностью мистера Берроу, к штрафу в 125 долларов. Вы посягнули на священную собственность, Форстен!

б) За нарушение общественного порядка — к штрафу в 50 долларов.

в) За драку — к штрафу в 10 долларов.

г) За пьянство — к штрафу в 5 долларов 75 центов.

Итого — 190 долларов 75 центов. Вы можете уплатить штраф, Форстен?

Дьюд. У меня нет долларов. И я не согласен.

Джеферсон. Нет, не можете. В таком случае штраф заменяется тюремным заключением на срок соответственно сумме штрафа — 185 дней 14 часов 23 минуты. Уведите осужденного.

(Полицейский уводит Дьюда. Джеферсон и члены суда тоже уходят. Расходится публика).

Голоса:

— Вот и все.

— Самое обыкновенное полицейское дело.

— Сеанс окончен.

— Я говорил, ничего интересного. В крайнем случае этот парень мог бы ударить кого-нибудь ножом.

— Тоже старо. Ничего нового. СКУЧНО все-таки мы живем.

(Последним хочет уходить Халливуд. Его останавливает Херли, тот парень, что в баре толкнул Форстена).

Херли. Добрый день, шериф.

Халливуд. (*Он очень недоволен*). Какого дьявола тебе надо, Херли?

Херли. Мы с Кении, я говорю — я и Кении — честно выполнили ваше задание. У меня и сейчас ноет плечо от удара, который я нанес ему. Посмотрели бы вы, шеф, как точно этот парень врезался в стекло! Теперь он в тюрьме и пора расплачиваться с нами, шеф.

Халливуд. (*Его лицо приняло выражение хорька, загнанного в угол*). Не чисто сработано, Херли. Настоящей драки все-таки не было и морда у тебя осталась непоцарапанной. За твое увечье Форстену можно было бы прибавить еще. Осел Робинс

чуть не провалил все дело. Спасибо мистери Джеферсону, он опытный судья... За твою непоцарапанную морду я удержу с тебя 15 долларов.

Херли. Так джентльмены не поступают! О моей физиономии уговора не было. Драка с увечьем идет по другой расценке.

Халливуд. Ты негодяй, Херли. Ты готов содрать с ближнего последние центы.

Херли. Не прибедняйтесь, шеф. Сколько вы заработали на Форстене?

Халливуд. Не твое дело, сколько я заработал. Сбавляю десять.

Херли. Не согласен. Имейте в виду, шеф, мы вам еще не раз пригодимся.

Халливуд. Ты вымогатель. Ты самый низкий вымогатель, пользующийся случаем, чтобы обидеть.

Херли. Не скулите, шеф.

Халливуд. Пять и ни цента меньше.

(Торг продолжается).

Занавес.

Картина четвертая

Внутренность тюрьмы. Справа и слева решетки камер. Похоже на зверинец. Из глубины сцены входит полицейский. За ним вереница арестантов в поло сатых куртках. Захлопываются железные решетки. Щелкают замки. Слева, ближе к публике, клетка Дьюда. Полицейский подталкивает Дьюда!

Полицейский. Пошевеливайся. Приучайся к нашим порядкам, если не хочешь получить холодный душ или попасть в штрафные. (*Запирает камеру Дьюда*). За шум — карцер. Понятно? (*Уходит. Некоторое время в тюрьме тихо*).

Голоса:

— Собаки!

— О ком ты?

— Вообще. О всех этих. В частности о полицейском Брукере. — Не обижай собаку, Боб!

(Опять тихо).

— Мне осталось сорок восемь дней! Еще сорок восемь дней!

— Если тебе не прибавят столько же.

— За что мне могут прибавить?

— Я не могу разогнуть спину от этой проклятой кирки.

— Ничего! За два года ты привыкнешь и к лому, и к кирке, и к лопате.

— И к бурде, которой нас здесь кормят и от которой человек на воле сдох бы после первого приема.

— И еще взбесишься и полезешь на стенку.

— Тогда получишь холодный душ из бранспойта.

(В конце коридора, образованного рядами клеток, показывается Халливуд).

— Смотрите, ребята, Сэм сегодня на большом взводе.

— Эй, Сэм, не зацепись за пол!

Халливуд. Это ты сказал «Сэм»?

Голос:

— Я сказал: «добрый вечер, мистер Халливуд»!

Халливуд. Это справедливо.

Голос:

— Сегодня будет представление... Сэм хватил как следует.

Халливуд. (*Останавливается около одной клетки*). Это, наверное, ты сказал?

Голос:

— Что вы, мистер Халливуд! Я молчал как рыба. Я ведь знаю, когда можно говорить, а когда лучше помолчать.

Халливуд. Ага! Запомнил. Никогда не говори в глаза то, что думаешь, если это может повредить тебе.

Голос:

— Поучение Самуэля Халливуда — часть первая, раздел «О благополучии».

Халливуд. И это запомнил? У тебя после душа просветлело в мозгу. К концу срока ты станешь совсем умным. *(Халливуд идет вдоль клеток. У одних останавливается и тупо смотрит на заключенных, мимо других проходит молча).*

Голос:

— Вы кого-то потеряли, мистер Халливуд.

Халливуд. Тебя-то я не потеряю. Из этой клетки ты не пропадешь. *(Останавливается возле клетки Форстена).* Здравствуй, Форстен. Вот ты и попался. Напрасно ты не заплатил штрафа. Почему ты не заплатил штрафа? У тебя нет денег? Ага! Значит, Самуэль Халливуд не такой уж дурак, как о нем говорят. Ведь это я, а никто-нибудь другой с точностью до двух центов определил, что рано или поздно ты угодишь в наш птичник. Правда, ведь, Форстен? Клетки для таких петухов, как ты, очень комфортабельны. Теперь тебе ничего другого не остается делать, как расправлять клювом перья в выщипанном хвосте и охорашиваться. *(Хохочет, довольный своим остроумием).*

Голоса:

— Сегодня Сэм в ударе.

— Сейчас начнется проповедь.

— Слушайте бесплатную проповедь шерифа.

(Кто-то свистит).

Халливуд. *(Берет стул, садится напротив метки Дьюда).* Эй, вы! Помолчите!..

Голоса:

— Тише, ребята, не мешайте Сэму!

Халливуд. Не Сэму, а мистеру Самуэлю Халливуду... Вы, я имею в виду тебя, Форстен, и всех этих будущих каторжников за решеткой, - за глаза называете меня пьяницей и считаете дураком... Так ведь, Форстен? Почему ты молчишь?

Форстен. *(Угрюмо).* Что вам надо от меня?

Халливуд. Ты еще не научился вежливости. Ладно, молчи. Глуп-то не я, а ты! Ведь это ты сидишь под замком, а я здесь, по эту сторону решетки. Когда мне надоест с тобой говорить, я встану и пойду, куда мне захочется: выпить виски, закусить хорошим куском жареной свинины или танцевать с девчонками шикарный фокстрот. «Я самая бесхвостая обезьяна». Да, Форстен! А ты по-прежнему будешь сидеть в клетке и чистить перья в хвосте. *(Хохочет).*

Не трудись, парень, отвечать почему это так. Не ломай напрасно башку. Отвечу тебе я, Самуэль Халливуд. Слушай ты, Форстен! И запомни слова великой мудрости, открытой мной. Вот: потому что я знаю, как устроена жизнь. Я нашел в ней дырку, воткнулся в нее и не думаю о том, запачкаю или не запачкаю свой пиджак...

(Свист. Гогот).

Ты, наверное, видел, Форстен, как лошади отбиваются от волков? Что такое лошадь? С точки зрения волка – лошадь живое мясо. И правильно! Я завидую волку. Он не задумывается там над разными ненужными вопросами. Мясо, оно и есть мясо... Так вот, живое мясо – ну, пусть, если тебе нравится – лошади встанут в круг, прижмутся друг к другу и лягутся. Такое неудобное лягающееся мясо не легко взять...

Голос:

- Ты-то наловчился, Сэм!

Халливуд. Умный волк никогда сразу не бросится на такое мясо. Он обойдет кругом раз, обойдет кругом два, найдет местечко, где лошади не так тесно прижались

одна к другой, и прыгнет... Но не на лошадь, а между ними. Важно миновать лягающую тебя ногу, проскочить в оуг, а там валяй вовсю.

Голос:

- Собака!

(Тишина).

Халливуд. *(Думает, потом говорит нравоучительно)*. Ты осел!.. Это не собака, а волк! О собаке я еще расскажу. Представь, Форстен, такую картину: здоровущий пес гложет кость ароматную мозговую кость. Тебе очень хочется стянуть эту кость. Ты даже чувствуешь, как она будет хрустеть на твоих зубах. Больше того, ты чувствуешь ее вкус на своем языке. Ощущаешь, как она разжованная тобой, проходит через твою глотку. Но ты маленькая, слабосильная, вонючая собачонка и драться с псом, который раз в десять больше тебя, бесполезно. Что делать в этом случае? Прижимайся к земле. Виляй хвостом. Одним словом, старайся показаться псу еще меньше, еще беспомощнее, еще послушнее. Подползай потихоньку к нему. Ложись на спину и поднимай кверху все четыре лапы. Может он куснет тебя. Пусть! Избави тебя бог оскалить в ответ зубы. Терпи и делай вид, что это тебе даже приятно. Возможно, в этом случае пес оставит тебе объедки и ты удовлетворишь свой аппетит. Но возможно и другое. Обстоятельства сложатся так, что тебе удастся стибрить кость. В том и другом случае ты в выигрыше... Если же ты встретишь пса еще меньше, чем ты сам, дай ему как следует в ухо, отбери у него кость и гложи ее тут же. И в этом случае сто против нуля в твою пользу.

Голоса:

— Ты всегда так делаешь, шериф?

— Выпусти только меня из клетки, я тебе покажу...

(Общий шум).

Халливуд. Тише, каторжники! Вы соскучились по холодному душу?.. Кстати, Форстен. Ты не обратил внимание на интересный факт: у каждого человека есть свой собственный живот. Это тоже мое открытие. Живот самое главное место человеческого тела. Голова создана для живота, чтобы придумывать, как лучше набить его. Я люблю поесть и люблю выпить, Форстен. И когда я поем и выпью, мой живот мурлычет от удовольствия, как жирный разнеженный кот, растянувшийся в мягком кресле. Чего мне еще надо? Понимаешь, что я хочу сказать? Если твое брюхо или брюхо мистера Давида Уолтена будет набито вплотную, а мое пусто, мне от этого не будет легче. Что же делать в этом случае? Скажем, у мистера старой обезьяны столько виски, что вылей он его в Атлантический океан, ни одну рыбу не примут в общество трезвости. Но ведь у старой обезьяны есть свой живот и до живота Самуэля Халливуда ей нет никакого дела. Вот тут-то на помощь моему животу и приходит голова. Она сообщает: держи хвост по ветру! И Самуэль Халливуд поднимает лапы кверху, виляет хвостом и начинает лизать мистеру Уолтену те места, которые мистеру Уолтену хочется, чтобы лизал Самуэль. Мистер Уолтен говорит: Самуэль, прыгай! Самуэль, хватай! — самому-то мистеру Уолтену по той или иной причине нет смысла прыгать и хватать — и Самуэль прыгает и хватает. В обмен на эти незначительные услуги на дно моего брюха льется виски и падают жирные куски. Вот ты сидишь в тюрьме! Я подписал ордер на твой арест. Кто в выигрыше? Мой живот! В нем уже разливается приятная теплота. Вывод: каждый обязан думать о брюхе своем, а не о брюхе ближнего своего. Так заведено с сотворения мира самим господом богом. Аминь!

Голоса:

— А ведь тебе, шериф, следовало бы всерьез заняться проповедями...

— Среди шакалов!..

Халливуд. Очень возможно, когда-нибудь я брошу вас всех к чорту и буду проповедывать. Это мое призвание. А может быть лучше написать десять томов с поучениями? Как ты думаешь, Форстен? *(Халливуд подогнул ноги, расправил руки, потянулся и ястал со стула)*.

У тебя уйма свободного времени, Форстен. Подумай. Тебе представляется великолепная возможность оценить проницательность и мудрость Самуэля Халливуда? До свиданья, Форстен! Может быть мистеру Уолтену требуется почесать ниже поясицы! Мне надо торопиться.

(Самуэль Халливуд, познавший мудрость жизни, с высоко поднятой головой уходит по узкому проходу, между бесконечных рядов железных клеток. Его провожают взгляды ненависти. Кто-то свистит).
З а н а в е с .

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Внутренность двора фермы Дьюда. Направо вход в его дом. За загородкой налево видна дорога, на холмах клочки зеленых полей вперемежку с серыми, заброшенными участками. Из-за холмов по дороге идет Дьюд. Отсидев свои 185 дней, он возвращается домой. За плечами у него небольшой мешок. Дьюд еще больше похудел и посерел. Подходит к калитке, оглядывается, смотрит на поля. Видит Смокка.

Дьюд. Эй, Смокк!

(Смокк вздрагивает, поднимает голову, останавливается).

Здравствуй! Вот я и вышел... Слушай, почему ферма Хелвуда заколочена, что с ними стряслось?

Смокк. *(Долго, беззвучно жуёт губами)*. Тебе надо бы лучше знать, что стряслось с Хелвудом. Ведь это все начал... Том и Мэг совсем струсили, когда тебя посадили. Перетрусили... Мэг все ждала, что посадят и Тома. Она и без того была слабой... А потом к ним приехал этот с газеты. А потом в газете написали, что русские большевики хотят совсем разорить их ферму. Знаешь, Дьюд, там было написано, что будто это ты сказал иу тебя будто есть какие-то документы. По правде сказать, никто как следует этому не поверил. Какое дело русским большевикам до фермы Тома Хелвуда? Чем Хелвуд им помешал? «Ну, если о нас пишут в газетах, - сказал Том, - жди неприятностей. Русским-то большевикам мы не мешаем, а кому-то еще – мешаем». Мэг после этого слегла и вскоре перестала волноваться. Их маленький тоже помер. Том забрал остальных ребят и уехал.

Дьюд. Куда?

Смокк. Не знаю. Он никому не сказал. Мы все решили, - Том просто сбежал от всего этого... Можно мне идти, Дьюд? Я тороплюсь, Дьюд. Прощай.

(Смокк уходит. Дьюд смотрит ему вслед, потом открывает калитку, входит во двор и останавливается по середине двора).

Дьюд. Том просто сбежал от всего этого... Смокк сбежал от меня — ему торопиться некуда... *(Швыряет мешок)*.

А я не сбегу. Никуда не сбегу! Останусь здесь и добьюсь своего. *(Осматривает двор, заглядывает в клеть, где была свинья. Там пусто. Идет в дом. Через некоторое время возвращается)*.

Плохо... Ни одной корки. Придется пойти к кому-нибудь из соседей. Может быть у них можно чего-нибудь перехватить... Пожалуй, лучше всего пойти к Биллю. Ему можно прямо так и сказать: «Давай чего-нибудь жрать». Наверное, Билл и свинью-то зарезал. И хорошо сделал. Все равно свинья сдохла бы.

(Видно, как по дороге к ферме Дьюда бежит Э да . Рыжие волосы ее растрепались. У да очень торопится).

Э да . Дьюд... ты пришел?..

(Дьюд берет ее руку и молча держит. Дьюду хочется много сказать Эде, но слова выпали из головы).

Э да . Здравствуй, Дьюд... Неужели ты пришёл?

Дьюд. Да... видишь ли, я пришёл... Здравствуй, Эда!

(Пауза. Эде тоже хочется сказать Дьюду что-то очень важное, а слов и у неё нет).

Э да . Ты... сейчас пришёл?

Дью д . Сейчас. *(Пауза)*. Скажи, Эда, это ты следила за моей комнатой?

Э да . Мне совсем не трудно подмести пол.

Дью д . Спасибо!.. Я встретил Смокка, он сказал, что торопится и поэтому не может разговаривать со мной. А торопиться-то ему некуда. Просто ему не хотелось говорить со мной. Наверное, он боится меня... У вас тут столько новостей. Том сбежал... Я полгода не был дома... Спасибо, Эда! Я ведь там много думал о тебе и все ждал, когда встретимся.

Э да . *(Она счастлива)*. Ты думал там обо мне, Дьюд?!

Дью д . Да... Когда я вернусь домой, — думал я, — тогда скажу Эде, если она не забыла меня...

Э да . Что ты скажешь, Дьюд?

Дью д . Ты не торопи. В таких делах торопиться нельзя. Я еще скажу... Вот я и вернулся. Билл тоже хороший парень, Эда. И я вовсе не обижаюсь на него за свинью, она все равно сдохла бы.

Э да . *(Выдернула свою руку из руки Дьюда, он все еще держал ее)*. Почему ты думаешь, что свинью взял Билл?.. Эти полгода, как погибли пшеничные поля, — ты не знаешь, какие они были, Дьюд! Ты можешь думать, что угодно, Дьюд, свинья все равно сдохла бы. Ее взяли мы... Ну! Что ты теперь скажешь?

Дью д . Скажу, что так и надо было сделать.

Э да . *(Вдруг плачет, всхлипывая, как маленькая девочка)*. Я ждала тебя... Без тебя было совсем плохо. Па все время ворчит... И никакого света нет. Кругом темно...

Дью д . Ну, ладно, ладно, Эда! Не знал, что ты умеешь так реветь. Вот ты и плачешь... Не надо. У тебя глаза покраснеют. И вовсе уж не так плохо, как кажется твоему па. Ведь мы-то с тобой еще сильные. Правда? И нас не так-то легко согнуть. Вытри глаза, Эда... Это очень хорошо, что я переселился сюда и мы с тобой встретились. Я много думал об этом в тюрьме, времени-то у меня там хватало... Каждый, когда приходит его время, находит себе другого и тогда силы у каждого прибавляется. У нас с тобой крепкие руки и мы ведь не хотим, чтобы они слабели от безделья.

Э да . *(Спохватилась)*. Наверное, ты голоден, Дьюд. Ты из города шел пешком? Видишь, я уже перестала реветь!.. Пойдем к нам. У нас еще есть немного крупы и сегодня варили суп. От обеда осталась целая тарелка... А ты помнишь Катерину – жену Филиппа? У нее родился мальчик – это пятый. Посевы Филиппа, ты помнишь, тоже погибли. А у них так много ребят...

(За забором виден Билл. Он идет, насвистывая песенку. Замечает Дьюда).

Билл . Ага! Вернулся, Дьюд! И, конечно, Эда раньше всех узнала об этом. Здорово, Дьюд! Дай-ка я посмотрю на тебя.

Дью д . *(Обрадовался встрече)*. Здравствуй, Билл. Смотри. Наверное, я растолстел на харчах государства?

Билл . А ведь верно, растолстел... Только во внутрь... По правде сказать, я здорово соскучился без тебя. С тобой как-то веселей. У тебя еще остались в голове какие-то мысли. А я люблю, когда у человека в голове есть мысли. У остальных совсем плохо. Смокк под руководством брата Уэба совсем превратился в осла. Том сбежал, остальные смотрят на мир мутными глазами и, по-моему, совсем разучились думать.

Э да . У тебя очень злой язык, Билл.

Билл . А разве тебе не надоела такая жизнь, Эда? Тут не только язык злой будет, а даже самый первосортный ангел и тот сбесится.

Дью д . А вот я не хочу сбеситься, Билл. Я думаю еще все можно поставить на свое место.

Э да . Это правда, Билл. Ты ведь знаешь, Дьюд такой сильный. И он сделает по-своему.

Билл . Неужели ты все еще не выкинул из башки свои планы, Дьюд?

Дьюд. А я и не хочу их выкидывать, Билл. Их не так просто выкинуть. От самого города почти все поля опять выжжены. А в тюрьме я познакомился со многими парнями, они говорят: всюду жрать нечего... Ну, об этом потом. Жалко вот время упущено. Пшеницу сеять поздно.

Билл. Ты снова хочешь копать в земле?

Дьюд. Конечно! Но кукуруза еще может вырасти, как ты думаешь, Эда?

Билл. Честное слово, клянусь кишками святого Билла, если такой когда-нибудь топтал землю, ты меня развлекаешь не хуже Смокка. Не успел выйти из тюрьмы, как опять собираешься вернуться в нее. Не можешь ли ты мне объяснить, ради какого чорта ты думаешь возиться в этой пыли? Или рассчитываешь, что твое поле когда-нибудь сможет обеспечить твое брюхо хлебом?

Дьюд. В этом году я посажу кукурузу. Она еще успеет созреть.

Билл. Если ее не слижет ветер... Том уже удрал, Смокк хоть и орет по вторникам, но, честное слово, когда-нибудь смажет свои пятки салом. Старик Лестер еще держится. Я предполагаю, у него были кое-какие сбережения с тех времен, когда он рубил лес, но, провалился я в преисподнюю, если и он, в конце концов, не отправится за остальными.

Дьюд. Почему же ты-то остаешься, Билл?

Билл. Я? Ну, я дело другое и ты на меня не смотри. Ты ведь знаешь, я давно забросил бесполезное занятие копать в земле. Слава всевышнему создателю, как сказал бы ханжа Смокк, в окрестности еще водятся кролики, а на земле живут наши ближние, которых всегда можно обставить по мелочи... Впрочем, скажу тебе по-приятельски: думаю и я переселяться из этого рая. Куда? Ну, этого-то как раз я и не знаю. Думаю, что хуже чем здесь, нигде не будет...

(Слышен шум приближающейся автомашины).

Смотри, а ведь это машина пьяницы Сэма. Шериф едет поздравить тебя с благополучным возвращением... Нет, это не его машина...

(Машина останавливается у ворот фермы Дьюда. Из нее выходит незнакомый человек в дорожной кепке, в клетчатой рубашке, заправленной в брюки, в крагах).

Незнакомец. Хэлло! Кто из вас Дьюд Форстен?

Дьюд. Я Дьюд Форстен.

Билл. Наверное, ты получишь наследство, Дьюд. У тебя не было одинокой богатой тетки? В кино и в книгах всегда так бывает, я сам читал...

Незнакомец. Нет ли у вас воды? От этой жары и пыли можно сдохнуть. Вот что, Форстен! Получите повестку и распишитесь вот здесь. Вы, Форстен, пропустили срок уплаты аренды за землю и поэтому арендный договор с вами расторгается. Ферма пойдет в уплату долга. Компания дает вам два дня на ликвидацию ваших дел. *(Незнакомец идет к машине, останавливается)*. Мне-то все равно, а вообще советую уложиться в этот срок. Сдается мне, это будет лучше для вас, Форстен! Ну, всего. *(Уходит)*.

Билл. *(После долгого молчания)*. Та-ак... Я думал, ты все-таки ударишь его. У тебя был подходящий для этого вид. Рассуждая справедливо, ему следовало бы всыпать... Ты чего молчишь, Дьюд? Эй, Дьюд! Ты что, спятил, что ли?!

(Ноги у Эды подкашиваются. Она опускается на землю, прячет голову в колени).

Дьюд. Что? Ты что кричишь, Билл? А-а! Спятил? Нет, я не спятил. Надо понимаешь, Билл, надо выдержать. Я выдержу, чорт возьми!

Занавес.

Картина вторая

Дорога среди нерадостных холмов. Пропыленные всходы пшеницы. Редкие, будто забыли их здесь, чахлые деревья. Идут: впереди Билл с мешком за плечами, за ним Дьюд, тоже с мешком, и Эда. Сзади всех Лестер. Билл насвистывает какую-то песенку. Дьюд и Эда идут молча. Лестер по обыкновению бормочет.

Лестер. Вот теперь и Дьюд пошел по дорогам... Билл тоже пошел... Будут ходить и ходить без конца... Этого следовало ожидать... Уолтен заглота папашу Лока, и Смита, и других, когда мы работали у него на лесоразработках... Уолтен заработал на лесах миллион долларов... Я тоже мог заработать...

Э да. Хоть сейчас-то перестань, па! Это невыносимо... Я не могу больше!

Лестер. *(Некоторое время идет молча)*. Я помню Уолтена, когда он был простым долговязым парнем и ничего особенного в нем не было. Может быть я был на несколько дюймов ниже его. Вот и вся разница.

Билл. *(Поет)*.

По дорогам шагают парни,
Много дорог на земле.
На юг, на север, на запад.
Какую бы выбрать мне?

Лестер. Вот и вся разница... И я тоже мог бы заработать не меньше Уолтена.

Билл. Перестань, Лестер! Твой незаработанный миллион известен всей округе.

(Поет).

А не все ли равно,
По какой дороге идти!
Я иду налегке
И не очень еще устал...

Лестер. Уолтен был такой же, как и я...

Билл. Уж ты прямо так и говори, папаша Лестер: были мы с Уолтеном приятели. *(Насвистывает)*.

Лестер. *(После молчания)*. Нет, я не осуждаю Дьюда. Он правильно поступает. Кому же не хочется, чтобы на земле было веселее.

Билл. Хватит, старик! Я не хочу обременять сердце печалью. Все равно меня не вернут назад и не предложат: «Валяй-ка, Билл, живи в свое удовольствие, как жил до сих пор». Да я бы и не вернулся! По моим расчетам, мой бывший дом завалится при первом ветре. А что касается кроликов, которых я ловил, они в конце концов поумнеют, а, поумнев, или сдохнут от черной меланхолии, или переберутся куда-нибудь подальше из этого рая... Нет! Я не вернулся бы назад! Собственность висела на моей шее подобно камню на шее утопленника...

(Уходит вперед Лестер отстает. Дьюд и Эда некоторое время идут молча).

Дьюд. Билл — хороший товарищ. Только он не знает, чего ему надо. Он еще не нашел своей дороги...

(Идут молча).

Дьюд. Вот, Эда... И это у нас тоже не вышло.

Эда. Что ты имеешь в виду, Дьюд?

Дьюд. Ладно... Сейчас я скажу тебе... Ты ко мне относишься хорошо и обрадовалась, когда я вернулся из тюрьмы. Вот, подумал я, такая как раз...

Эда. Замолчи, Дьюд! Прошу тебя, замолчи... Я, пожалуй, опять разревусь...

(Идут молча).

Дьюд. Они вцепились в горло лапами и душат. Нельзя дышать, Эда, нельзя дышать... Если бы ты знала, как я зол. И сколько во мне от этой злости силы!..

Эда. Я знаю, Дьюд.

(Идут молча. На перекрестке дорог останавливаются).

Дьюд. Ну, вот и все... Все... Тебе надо возвращаться домой, Эда.

Эда. Надо возвращаться...

(Но ни тот, ни другой не двигаются с места).

Дьюд. Я тебя люблю, Эда. Очень люблю.. У нас о тобой, наверное, могла бы получиться неплохая жизнь! *(Молчит)*. И я тебе очень верю. Я расскажу тебе случай. Последнее время я все чаще думаю о нем... Это было еще в Европе. В Германии мы встретились с русскими. Они шли с Востока, мы с Запада. Когда встретились, русские пригласили нас к себе. Ведь тогда мы были союзниками? Капитан отобрал несколько человек — я попал вместе с другими, — сказал: «Идите, только не забывайте, что вы американцы!» Ну, об этом-то он мог нам не напоминать! Мы всегда были

американцами... Вместе с русскими солдатами был их офицер — он знал английский язык и помогал нашим разговорам.

Э да. О чем вы говорили, Дьюд?

Дьюд. Не помню... Было здорово хорошо. Наци разбиты, войне пришел конец, а русские оказались веселыми ребятами... Мы кажется говорили о том, как будем жить после войны...

Э да. Они какие?

Дьюд. Кто?

Э да. Русские.

Дьюд. Вот и не знаю, что тебе ответить. Когда парни одеты в военную форму, они все кажутся одинаковыми... Нет, я наверное, вру, Эда. Не одинаковыми. У русских была какая-то спокойная уверенность, что дома у них все хорошо. А ведь на их земле шла война. Они говорили, что сделают, когда вернутся домой. И говорили так, будто уже сделали. Когда они вспоминали о своей стране, у них блестели глаза. Они здорово любят свою страну, Эда.

Э да. Мне хотелось бы взглянуть, как они живут, Дьюд. Если они так любят свою страну, значит она стоит того, чтобы ее любили.

Дьюд. И мне хочется посмотреть, Эда... Ну вот, дальше. Я слушал, как говорили о своей стране русские и мне захотелось сказать что-нибудь об Америке. Америка всегда была моей родиной. Я встал из-за стола и сказал: «Наци разбиты. Войне пришел конец. Последней войне пришел конец. Наступает мир. Скоро мы вернемся домой, не родину, в штаты. В наши благославенные штаты. И уж после-то войны жизнь пойдет у нас по-другому. Не так, как шла раньше. Америка, на мой взгляд, самая подходящая страна для честного американца». Русский офицер поднял свой стакан и спросил меня: «Кем вы были до армии?» - «Фермером», - ответил я. - «Фермером?» - обрадовался русский. - «Я тоже до войны был фермером, советским фермером. Значит мы вдвойне друзья. Оба солдаты и оба фермеры».

Э да. Он так и сказал: друзья и что он тоже фермер?

Дьюд. Да. «Оба мы солдаты и оба фермеры. Я охотно выпью с вами и от всего сердца желаю, чтобы ваши слова сбылись и жизнь пошла бы у американских фермеров и у всех честных американцев на полный ход». По правде сказать, я обиделся на него.

Э да. Почему, Дьюд?

Дьюд. А как же! Он словно сомневался в том, что мои слова могут не сбыться. «Америка лучше всех стран!» - крикнул я ему на зло. «Это хорошо, если вы так думаете, - ответил русский. - Каждый должен любить свою родину больше всего другого».

Э да. *(Повторяет задумчиво)*. Америка лучше всех стран...

Дьюд. *(Усмехается)*. Лучше всех стран... Знаешь, Эда, я начинаю кое-что понимать и кажется зря обиделся на русского. Он знает больше моего... Мне хотелось бы с ним встретиться и вот так, по-приятельски, потолковать обо всем. У него, наверное, есть чему поучиться. Он-то нашел свою дорогу и идет по ней без остановки... Мне стыдно за Америку, Эда! За нашу с тобой Америку! Ведь мы американцы! И я хочу, чтобы в нашей Америке нам жилось хорошо... Только начал я, кажется, не стою конца... Ну, ничего. Теперь-то знаю, с какого конца начинать. Теперь-то все как раз и начинается.

Голос Билла. Дьюд! Эй, Дьюд!

Дьюд. Иду, Билл! Иду!.. Не вешай головы, Эда! Я еще вернусь. Тебе надо возвращаться, Эда! Прощай. Мы еще встретимся с тобой. Встретимся. И, поверь, Эда, на нашей американской земле будет, обязательно будет веселее!

(Дьюд крепко жмет Эде руку, вдруг порывисто обнимает ее. Поправил мешок за плечами и, не оглядываясь, зашагал вслед за Биллом. Э да долго стоит одна и все смотрит и смотрит в ту сторону, куда ушел Дьюд).

Э да. Он сказал: будет, обязательно будет... *(и вдруг кричит вслед Дьюду)*. Дьюд! Будет. Я знаю — будет!..